

Михаил Баженов

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Предисловие

Эта моя самая первая книга была написана в далёкие годы ссылки в южно-монгольскую часть пустыни Гоби, что я позже описал в повести «Без занесения в личное дело».

Писателем в свои 24 года я себя вовсе не считал, хотя потребность что-то сказать, и даже прокричать людям, так и рвалась наружу. Круг слушателей, правда, был весьма ограниченным...

Оказавшись засасываемым в безделье и пьянство никчёмных армейских будней, я отчаянно барахтался в попытках спасти свою индивидуальность: выучился играть на гитаре, сочинял песни и стихи, рисовал тушью и гуашью, усиленно занимался никому не нужными тогда иностранными языками.

Одним из способов приятного интерактива с английским стал процесс перевода случайно подвернувшегося бестселлера Гарольда Роббинса «Dreams Die First», над которым я самозабвенно корпел в любое свободное и несвободное время.

Несмотря на то, что наш разведывательный батальон ОСНАЗ размещался на самой границе с враждебным тогда Китаем, дважды в год нас надолго выгоняли на так называемое «боевое дежурство» в совершенно голую пустыню на нейтральную полосу, где по замыслу стратегов Генерального Штаба мы могли ещё бдительнее перехватывать радиопереговоры коварных супостатов.

В эфире мы не слышали ровным счётом ничего. Китай уже который год занимался грандиозными экономическими реформами, его армия была радикально сокращена и отведена от границы, в то время как на Советской стороне бездарно ухались колоссальные средства на наращивание истерии и ни на что не нужных военных мышц, частью которых были и мы – офицеры, впустую тратящие свои юные годы. Осознание этого абсурда вело к бесконтрольному применению алкоголя и прочим злоупотреблениям молодыми силами и здоровьем.

Каждый день «боевого дежурства» начинался с организации поисков свежего верблюжьего дерьма, которому к вечеру, высушившись на «буржуйках» в солдатских палатках, предстояло переродиться в благородный кизяк, согревающий господ офицеров в процессе глубокомысленного поглощения самогона и перекидывания замусоленными картами. В стоящих кругом солдатских котелках дымилось мясо диких коз, безжалостно вычеркнутых в течение дня из Красной Книги с помощью верного друга Калашникова и проворного БТРа.

Я отнюдь не пренебрегал всеми этими немногочисленными, хотя и несправедливыми увеселениями, однако скоро товарищей офицеров стали обижать попытки моего вечернего уединения с книгами и словарями. С целью объяснения пришлось прочесть им несколько страниц своего перевода. Произведённый эффект наверняка ошарашил бы и самого старика Гарольда!

Меня немедленно освободили и от сбора верблюжьего дерьма, и от дежурств в наушниках, во имя того, чтобы каждым вечером выслушивать переведённые мною за день страницы лихо закрученных сюжетов Роббинса.

Однако настал вечер, когда прочтя заключительную фразу романа, я закрыл толстую тетрадь и с облегчением сказал: «Конец!»

- Как это... конец?! – раздались возмущённые голоса. – Нет, нет! Ты, это, вот чего: давай что хочешь делай, но чтобы завтра читал нам новый роман! А если нечего переводить – сам пиши.

И я задумался.

А почему бы действительно не написать то, что я САМ хотел бы почитать? Чтобы было и интересно, и по возможности не глупо? Скрестить, так сказать, беллетристическое удалство Роббинса с глубинным психологизмом Достоевского?..

...ПисАл я дни напролёт, а на ежевечерние литературные чтения в нашу палатку и вокруг неё собирался весь отряд, включая даже стоявших на постах часовых. Гнать их обратно на посты было некому.

Образы просветлённых офицерских ликов, под потрескивание дымящего кизяка внимающих каждому придуманному мною слову, начисто забыв про самогон и преферанс, наверное навсегда утвердили меня в убеждённости, что мой удел – это узкая и извилистая тропинка литератора, развешивающего на своём пути давно известные всем слова в каком-то новом и никому доселе неведомом порядке.

С тех пор прошло уже очень много лет. Я стал писать совсем по-другому, но по-прежнему питаю странную нежность к этому своему первому творению. Надеюсь, что и вам сей юный амбициозный опус покажется небезынтересным.

мб

*"...И сострадая, сердце Всевышнего
остаётся твёрдым."*

*Г. Бёлль
(«Бильярд в половине десятого»)*

Кто утверждал, что, если Бог желает наказать человека, он лишает его разума? На самом-то деле Господь не даёт нам ума исключительно из гуманных соображений. Поскольку труднее всего на Земле приходится истинно разумным людям, ибо невозможно чувствовать себя счастливым, видя и понимая суть творящегося вокруг, сущность живущих рядом, а главное – себя самого.

Разум на самом деле – страшнейшее наказание. Невыносимо жить под грузом осознания ничтожности своей жизни и жизни человечества вообще! Правда, чаще всего, люди не могут понять этого вовсе, и умирают со слезами жалости расставания с "великим счастьем - жить", или со слезами умиления и гордости за "достойно и счастливо прожитую жизнь"...

Я умру без слёз. Я бы спокойно умер хоть сейчас, или завтра, или через год – мне безразлично. Но я, к сожалению, знаю, что буду жить ещё 28 лет, 2 месяца, 6 дней, 21 час и 4 минуты. Я знаю всё, что со мной за это время произойдёт, каким я буду в любой из моментов моей предстоящей жизни. Нет, я не провидец в полном смысле этого слова. Просто Господь наказал меня, дав мне возможность понять, кто же я такой на самом деле, а всё остальное до смешного просто.

Всё началось с того дня, когда я встретил Криса. Вернее, Крис встретил меня, ибо встреча эта оказалась предрешена заранее, и предрешена она была отнюдь не мной...

* * *

В тот вечер я вымотался как никогда. День не заладился с самого утра. Я проспал и на работу помчался без завтрака и небритый. Как назло оказалось, что меня уже давно ожидает шеф.

Нам с Дэнисом была поставлена задача объехать все подразделения фирмы, собирая совершенно бесполезный, с моей точки зрения материал. Я попробовал было возразить, однако под ледяным взглядом шефа умолк на полуслове.

К стыду своему должен сознаться, что шеф действовал на меня гипнотически – может быть оттого, что я не видел в нём ничего человеческого. Я вообще не видел его в ином виде, кроме как сидящим за своим необъятным зеркально-полированным столом, который отражал верхнюю половину туловища: две головы, две пары массивных очков, четыре тщательно ухоженные руки и один взгляд – презрительный, холодно-ироничный, исходящий неизвестно откуда, даже когда он сидел, уткнувшись в бумаги, похожий на карточного короля козырной масти. Величественность кабинета скрадывала

размеры, и я даже не знаю, был ли он коротышкой или гигантом. Свиньёй, однако, он был изрядной.

Пока я наспех брился в туалетной комнате, водитель то и дело сигналил под окном, и, как я ни старался не торопиться, он своим занудством вывел меня из себя, так что я исцарапал бритвой всю свою физиономию.

Даже Дэнис, который был, по существу, единственным в фирме человеком, к которому я питал по-настоящему дружеские чувства, в тот день оказался совершенно невыносимым: он до самого вечера одолевал меня восторженными рассуждениями об идеале женщине и о том, как тот воплотился в образе его невесты. Я несколько раз пытался перевести разговор на более фривольные темы – вопрос добродетели современных девиц меня ничуть не занимал. Однако унять влюблённого Дэниса оказалось невозможно, и его вдохновенные интонации долго действовали мне на нервы.

К вечеру, окончательно одурев от одинаково вежливых физиономий во всех приёмах, одинакового по отвратительности кофе и несметного количества сигарет, выкуренных, чтобы заглушить голод, я наконец отпустил Дэниса к его высокоморальной невесте и с кучей бумаг отправился обратно в офис. Водитель любезно попытался заменить мне общество Дэниса, также заведя разговор о женщинах, однако в несколько ином ракурсе, но я, расшарившись, посоветовал ему использовать бензин в качестве дезодоранта полости рта, и он обиженно замолк.

Зашвыривая бумаги в сейф, я с блаженством подумал, что сейчас заеду в уютный ресторанчик с названием "Подветренная Сторона" в двух кварталах отсюда и закажу... Я не успел решить, что же я закажу, как на селекторе засветилась лампочка, и ровный голос Эвелин – секретарши шефа – сообщил, что шеф ожидает меня. Я только чертыхнулся в ответ. Лампочка равнодушно погасла.

Эвелин полностью отвечала стандартам секретарши такого шефа как наш. Этакая длинноногая, выхоленная кошка с безупречно-журнальной внешностью и бесстрастным видом, словно дающим понять, что не родилось ещё на Земле мужчины, достойного воспользоваться её головокружительными прелестями. Для шефа она, естественно, делала милостивое исключение, за что регулярно получала прибавку к жалованию.

Если сказать совсем честно, Эвелин просто сводила меня с ума. У меня вообще дурной вкус на женщин: необъяснимо манит изысканная развращённость, а уж этого-то у неё было с избытком.

Я зашёл в приёмную с непринуждённой улыбкой, которая тут же стала принуждённой, едва Эвелин взглянула на меня надменным взглядом.

- Господин Гексли занят - у него важный телефонный разговор. Он просил передать вам, что ждёт письменного отчёта по сегодняшним материалам через час, - словно дикторша с телеэкрана возвестила она, делая к концу фразы слегка вопросительную интонацию, будто недоумевая, почему это я до сих пор стою перед ней, а не умчался выполнять распоряжение.

- Бог мой, к чему такая спешка? Там нет ровным счётом ничего интересного! Завтра с утра...

- На завтра господин Гексли даёт вам выходной, - прервала меня Эвелин, - А то, что это кажется неинтересным для вас, вовсе не означает, что материал не представляет интереса для фирмы.

Она снисходительно взглянула на меня, ещё раз давая понять, что разговор окончен. Но во мне словно чёрт проснулся. Я обошёл журнальный столик и уселся в кресло напротив неё.

- Кошмарный денёк, милая Эвелин, - пожаловался я, доставая сигареты. - Так хотелось скрасить хотя бы вечер, пригласив тебя поужинать со мной...

От её взгляда сам Соломон, царь иудейский, наверняка стал бы до конца дней своих жалким импотентом.

- Меня зовут мисс Огенб्राйт, и я попрошу вас здесь не курить. И последнее: когда пытаетесь любезничать с женщинами, советую предварительно застёгивать пуговицы на брюках!

В себя я пришёл уже за дверью.

* * *

Работёнка, которой оделил меня шеф, была сущим наказанием. Терпеть не могу этого бездумного выписывания, переписывания, пересчитывания... Впрочем, моя работа вообще тяготила меня, да и справедливости ради сказать, я не был создан для неё. Анализировать, принимать решения, оперировать подчинёнными – вот в чём я чувствовал своё истинное призвание! Но для этого было необходимо сделаться как минимум начальником отдела, а на это в ближайшее время не было никаких шансов.

Отдел возглавлял старина Тибо – в сущности безобидная старая задница – служивший в фирме чуть ли не со дня её основания. Сотрудники отдела работали спустя рукава, однако отчёты, составляемые стариком, каким-то непостижимым образом устраивали руководство. Похоже было, будто весь отдел держат лишь благодаря ему и скорее разгонят всех нас, чем намекают Тибо о заслуженном отдыхе. Казалось, что пережить его не было шансов даже у Дэниса – самого молодого сотрудника отдела. Однако работники любили старика за незлобивый нрав и терпимость, так редко встречающуюся у людей его возраста.

...Через полтора часа я наконец закончил нудную писанину и, с отвращением поставив точку, понёс отчёт шефу. Открывая дверь в приёмную, я внезапно вспомнил дружеский совет Эвелин, и рука непроизвольно дёрнулась к молнии на штанах. Исписанные листы разлетелись по всей комнате. Эвелин посмотрела на меня с жалостью.

- Шеф уже ушёл и передал, чтобы вы оставили свой отчёт у меня, - с едва сдерживаемой усмешкой сказала она.

- Так какого же дьявола... - начал я растерянно и вдруг расхохотался. Достойное завершение удачного дня!

Как и следовало ожидать, мой любимый ресторанчик уже закрывался, поэтому я даже не стал останавливать машину. Больше по дороге домой ничего путного не было, и мне пришлось свернуть на Мэйпл Авеню. На ней тоже не оказалось ничего подходящего, и я в отчаянии отправился на Маковый Бульвар. Рестораны там кошмарно дорогие, но ведь надо же было дать себе расслабиться после такого денёчка.

Чтобы не объезжать десять кварталов, я свернул в незнакомый переулок, рассчитывая перебраться на Клоувер Стрит, а оттуда на бульвар, однако извилистая дорога повела вверх и в сторону, и вскоре я потерял представление,

в каком направлении еду. Повернув на какую-то парковую аллею, мрачную, почти неосвещённую, я медленно поехал по ней, пытаюсь сориентироваться. Вокруг не было ни огонька, под колёсами шуршали мокрые кленовые листья, и на мгновение мне стало не по себе. Я оглянулся и вдруг увидел почему-то сразу незамеченные тускло светящиеся буквы в глубине парка: Бар "Гефсиманский Сад". Помнится, я усмехнулся тогда. Знал бы я, над чем смеюсь...

И мне вдруг показалось, что ничего не может быть лучше в эту промозглую погоду, чем усесться в углу за столиком, уютно укутанным в полумрак бара, заказать настоящей русской водки и достать сигарету. Не колеблясь, я развернул машину. В конце концов моим дорогим шефом мне пожалован на завтра выходной.

Уже спускаясь по ступенькам в согревающие запахи дыма и спиртного, в мягкие звуки музыки, я вдруг совершенно отчётливо ощутил приближение какой-то долгожданной встречи.

Крис сидел за одним из столиков. Я сразу понял, что он дожидается именно меня, однако направился к нему не совсем уверенно. Но от одной его улыбки всё тяжёлое, накопившееся в душе за этот день, сразу улетучилось, вся досада, неуверенность, ощущение загнанности – напроочь исчезли, растворились в приглушённом сумраке бара.

- Привет, - сочувственно произнёс он. - Устал? Ну, присаживайся.

* * *

Почему ум человеческий всегда жаждет некоего предела, чтобы за него зацепиться? Почему ему нужны промежуточные остановки для раздумий, стоит ли идти дальше? Почему эти остановки почти всегда оказываются конечными? Так было и со мной в тот вечер. Сразу узнав Крису, я даже не дал себе труда задуматься: а как он оказался здесь? И зачем? Впрочем, это ровным счётом ничего бы не изменило: все было бы так, как и будет, и всё кончилось бы так, как и кончится.

А пока я в странном эйфорическом оцепенении сидел и слушал его, вглядываясь в знакомые тонкие черты, в темно-зелёные глаза, которые словно впитали в себя всю грусть мира...

Не помню, чтобы я выпил в тот вечер хоть каплю, но пьян был почти до невменяемости. Я вдруг обнаружил, что теперь говорю я сам, что Крис слушает меня с сочувствием и некоторым удивлением.

Что я нёс в тот вечер? Я говорил, что меня губит изнурительная от бесполезности и отсутствия творчества работа, когда я создан для великих дел; я жаловался, что боюсь шефа; что прелестная Эвелин сводит меня с ума и лишает уверенности в себе; я рассказывал, что Дэнис, один из немногих кого я могу называть другом, бывает порой невыносимо сентиментален и зануден. Я рассуждал о том, что вся жизнь моя – сплошное невезение, что судьба благоволит лишь ублюдкам типа шефа, избавленным от всего человеческого: доброты, порядочности, сострадания, любви... Я сетовал на то, что мать окончательно поставила на мне крест, как на последнем неудачнике и звонит лишь для того, чтобы поздравить с праздником или днём рождения...

Кстати! Я горько усмехнулся. Ведь завтра – день моего рождения, и ни одна живая душа не вспомнила об этом. Впрочем, нет! Вот, оказывается, чем

можно объяснить невероятную благотворительность шефа, оделившего меня выходным, и даже не удостоив при этом поздравлением из двух слов.

Когда я наконец выговорился и замолчал, Крис, улыбнувшись, поднялся, и машинально вставая вместе с ним, я вдруг с безнадёжной отчётливостью ощутил, что он сейчас уйдёт, и увидимся мы теперь не скоро.

Он повернулся ко мне, в его взгляде промелькнуло вдруг нечто похожее на лукавство.

- Я прощаюсь ненадолго, - задумчиво произнёс он. - Было интересно поговорить. Ты говорил хорошие слова и очень искренне... А у меня есть небольшой подарок к твоему дню рождения.

В его ладони засветилась какая-то странная вещица. Это был искусно сделанный маленький глобус Земли. Я как зачарованный не мог отвести от него глаз. Несмотря на миниатюрность, все детали поверхности были воспроизведены с невероятной тщательностью. Глобус опутывала блестящая паутина меридианов, и он светился голубоватым, подрагивающим светом, но лишь с одной стороны. Другая словно находилась в тени. Крис поставил изящную игрушку на стол, и, видя моё детское восхищение, улыбнулся.

- Это часы, - пояснил он. - Видишь, там, где сейчас мы – уже ночь. День будет медленно перемещаться вдоль всей Земли, и скоро ты начнёшь чувствовать его бег до секунд. И никогда уже не проспишь на работу, - чуть насмешливо добавил он.

Я с усилием оторвал взгляд от казавшегося живым и тёплым шарика:

- Крис, да это просто потрясающая вещь! Я ничего подобного в жизни не видел. Даже страшно подумать, сколько она может стоить! Как же я смогу тебя отблагодарить?

Он как-то странно посмотрел на меня и усмехнулся: - Подарки от души не предполагают благодарности. Но если ты этого захочешь, тебе ещё представится такая возможность.

Однако я уже вертел в руках необычную игрушку, и последние слова Криса всплыли в памяти значительно позже...

- Как же она работает? - наконец опомнился я.

- Батарейка на 39 лет, - раздался за моей спиной хриплый голос.

Я обернулся. Криса уже не было. Рядом со мной стоял бородатый бармен, протирая стакан.

- Занятная штукавина! – кивнул он на глобус. – Действует биотоками. Додумаются же проклятые япошки!

Мне никогда ещё не спалось так, как той ночью: легко, отрешённо, и настолько самозабвенно, будто мне вообще не надо было никогда просыпаться. Но ровно в 8 часов лёгкий толчок разбудил меня. Я очнулся сразу, и даже поваляться в постели, к удивлению, не хотелось. Вскочив, я ощутил в себе давно не испытываемую бодрость, и босиком выбежал в садик.

Господи, ну почему я не делаю этого каждый день! Из окна дома выглянуло удивлённое лицо старой негритянки Жозефины – моей приходящей служанки. Глядя на меня, она тоже заулыбалась:

- Доброе утро, господин Роберт! Я не хотела будить вас, а вы сами так рано. Я потороплюсь с завтраком! - Потом, спохватившись, она снова высунулась из окна: - С днём рождения вас, господин Роберт! Дай вам Бог здоровья!

- Спасибо, Жозефина, только я не верю в бога. Пожелай мне лучше выиграть миллион.

Она вздохнула.

- Все люди верят в бога, только у каждого он свой, - задумчиво произнесла она. - У одних – миллион, у других... А я лучше пожелаю вам встретить хорошую девушку, господин Роберт. Любовь – вот Бог единый для всех!

Я рассмеялся: - Это был бы воистину божественный подарок, Жозефина!

Было уже 17 минут девятого. Я вздрогнул - почему именно 17? Откуда мне это настолько точно известно? В памяти неясным облаком всплыл вчерашний вечер, и я бросился в дом. На столике у кровати стоял подарок Криса. Я взял тёплый, дышащий шарик в руки. Да, никаких сомнений - сейчас именно 9:17 и ещё 42 секунды. Я повертел глобус в руках: розоватая кромка рассвета медленно ползла к западному побережью. А надо мною небо уже голубело вовсю. И впереди ещё целый день! Свободный, безоблачный день!

Зазвонил телефон. Я схватил трубку. Это была мать.

- Ты уже не спишь? - искренне удивилась она. - Тогда поздравляю тебя, малыш!

- Спасибо, мама.

- Вообще-то я звонила Жозефине, чтобы объяснить ей, какой пирог испечь сегодня к вечеру. Ты не возражаешь, если я заеду навестить тебя?

- Ну что ты, мама! - Это было неожиданностью. Помнится, последний раз мать была у меня с полгода назад. Ну да, как раз на Рождество.

- У тебя будут гости?

- Не знаю. Пока ещё никого не приглашал.

- Жаль. Хотелось бы посмотреть на тех, с кем ты сегодня дружишь.

- Я лучше тебе обо всём расскажу. - Мне вдруг действительно захотелось с ней поговорить.

- Ну что ж, значит я настраиваюсь на семейный ужин в узком кругу.

В узком, так в узком! Но всё-таки было бы неплохо позвать сегодня Дэниса. Я начал уже набирать номер офиса, как внезапная мысль прожгла меня: как здорово было бы пригласить Криса! Какое потрясающее впечатление произвёл бы он на мать! Она уже не сказала бы, что я вожу знакомства только с пустыми и никчёмными людьми, чтобы на их фоне чувствовать себя увереннее и спокойнее.

Я принялся листать записную книжку. Номера Криса там не оказалось. Не было там ни его адреса, ни даже просто имени. Я задумчиво опустил блокнот. Странно! Мне казалось, что я знаю Криса чуть ли не всю жизнь. Он был единственным, с кем мне было всегда просто и хорошо. И вдруг выясняется, что я понятия не имею, где его найти. Но я недолго ломал голову над этой загадкой. Разве недостаточно того, что Крис сам находит меня, когда мне особенно трудно?

Я снова набрал номер офиса. В ответ на приглашение Дэнис виновато сообщил мне, что сегодня вечером у них с невестой уже намечен визит на именины к её престарелой бабушке. Я пожелал бабуле долгих лет жизни и спросил, нельзя ли перенести столь ответственное мероприятие на годик. Дэнис

скорбно отверг эту идею и принялся, извиняясь, поздравлять меня и нести всякую галиматью.

Я сел на кровать, и ещё раз пролистал книжку. Эвелин разве что пригласить! Эта мысль показалась мне настолько смешной, что даже поднялось настроение.

Мать приехала ровно в 7, как и обещала. Она вошла, гордо держа почти белую голову, и протянула мне руку для поцелуя. Не удержавшись, я крепко обнял её.

- Привет, мама! Я так давно тебя не видел.

Она поцеловала меня в щеку и, рассмеявшись, попыталась высвободиться.

- Пусти, пусти, если не хочешь потратить весь вечер на мою реконструкцию!

Она с достоинством опустилась в глубокое кресло и достала сигареты.

- Ну, рассказывай, - она закурила и внимательно посмотрела на меня.

Под её острым взглядом я смутился.

- Да что рассказывать, мама. У меня ничего не меняется: работаю там же, занимаюсь тем же, живу так же...

Она помолчала, наконец положила сигарету и встала:

- Ну что ж, пойдём за стол. Я хочу сегодня выпить чего-нибудь крепкого.

После рюмки «Курвуазье» она снова не выдержала:

- И долго ты ещё собираешься топтаться на месте, Робби? Я никак не могу понять, откуда в тебе столько робости. С твоими способностями и образованием ты давно уже мог сделать карьеру, если бы не был таким размазнёй!

Я прервал её: - Мои способности тут ни при чём! Всё дело в дурацкой порядочности и скромности, которые, между прочим, привили мне вы с отцом! А теперь ты ещё и удивляешься, почему я не лезу вверх по чужим трупам. В чём ещё ты видишь мою нерешительность?

Она залпом выпила ещё одну рюмку и некоторое время сидела молча.

- Упаси господи, чтобы ты оказался ещё и подлецом... Но истинный талант замечен сразу и всегда найдёт свою дорогу... Не стоит шагать по чужим трупам, но иногда я опасаясь, что ты не способен на это попросту из-за трусости. Слишком уж часто те, кто кичится своей порядочностью, просто бессильны перешагнуть через неё!

- Что ты такое говоришь, мама! - возмущённо перебил её я.

Она словно очнулась и посмотрела на меня. Во всё ещё красивых светлых глазах блестели слёзы.

- Извини меня, сынок. Слишком уж много надежд на тебя возлагалось... - Она грустно улыбнулась и переменяла тему разговора: - Почему ты до сих пор не женишься, Робби? Красивая и к тому же неглупая женщина способна разбудить в мужчине такое честолюбие, что ему будет просто стыдно ощущать себя посредственностью.

Я невольно рассмеялся:

- Так ты только в этом видишь предназначение женщины?

Она даже удивилась:

- А в чём же ещё? Хорошая жена обязана создать в доме не атмосферу засасывающего уюта, но простор для духовного творчества мужчины. Мужчина должен почувствовать себя гением во имя любви.

- Все те, кого я знаю, наоборот, приносят свои таланты в жертву любви, - парировал я, подумав о Дэнисе.

Я всегда говорила тебе, что ты умеешь дружить только с посредственностями, - уколола она меня.

- Какими бы они ни были, но они – мои друзья. А дружба – это святое!

- Святое! – горько усмехнулась она. – Разве осталось ещё на Земле хоть что-то святое?

- Да осталось! И очень многое. Например, любовь! Ты сама превращаешь её в расчёт. А я никогда не женюсь на женщине, которая изо дня в день будет напоминать мне, что ради неё я обязан сделаться гением. Я хочу встретить ту, кто просто полюбит меня, видя все мои человеческие слабости и недостатки... И потом, мама, - перевёл я дух: - Всё-таки самое святое для меня – это ты.

Я встал и обнял её за плечи: - Почему ты не хочешь жить в моём доме? Ты меня нисколько не стеснишь, зато каждый день мы будем рядом! – Я поцеловал её седые волосы.

- Ах ты, мошенник, - польщённо рассмеялась она. – Знаешь, как меня задобрить! Ты же видишь, Малыш, какой желчной я становлюсь к старости! Я отравлю тебе всю жизнь. Мне и самой порой невыносимо одиноко в моём доме, но я уже сроднилась с ним. А если у тебя появится жена, то я и вовсе буду здесь ни к чему.

- Ну что ты, мама! – запротестовал я.

Она подняла руку: - Никогда не обманывай самого себя, сынок! За это бывает самая дорогая расплата!

В ту ночь всё и началось. Я долго лежал в постели, перебирая в памяти разговор с матерью, но вдруг на меня навалилась густая, туманная сонливость, будто растворив меня в себе...

Сквозь сон я слышал какие-то странные мелодичные звуки, потом ясный и чёткий голос раздельно произнёс у меня в мозгу: - Конус два. Серия Эф-Эм. 7:15.

Я проснулся. На столике слабо мерцал «будильник» Криса. Он действительно показывал 7:15, и было пора собираться на работу.

Я столкнулся с Дэнисом, выходя из лифта.

- Ты слышал, старик Тибо умер! Сегодня ночью от инфаркта, - растерянно сообщил он.

Это действительно оказалось полной неожиданностью. Я и вообразить не мог, что старик смертен. Но сердце непроизвольно ёкнуло от робкой надежды – место начальника отдела теперь свободно! Я стремительно вошёл в кабинет. Растрёпанный Дэнис шёл следом:

- Представляешь, его жена больна и даже не смогла встать с постели, чтобы вызвать «скорую»!

- Ничего странного, - ответил я, думая о своём. – Все мы рано или поздно состаримся и умрём.

Дэнис ошалело посмотрел на меня и вышел.

Засветился селектор. Я вздрогнул.

- Господин Лаунтон! Господин Гексли просит Вас зайти, - как мне показалось с особым значением произнесла Эвелин. Вот оно! Я лихорадочно застегнул костюм и направился к шефу.

Шеф долго молчал, изучая какие-то лежащие перед ним бумаги. Наконец он поднял голову:

- Вы, наверное, догадываетесь, господин Лаунтон, зачем я пригласил вас. Место начальника отдела теперь вакантно, и я не вижу лучшей кандидатуры, чем ваша...

Я радостно замер.

- Но! – он поднял ладонь. – Буду с вами до конца откровенен. Руководство фирмы собирается назначить на этот пост более многообещающего, на их взгляд, Дэниса МакМэрфи. Мне предстоит убедить их, что его кандидатура подходит гораздо меньше. – Он пристально посмотрел на меня. – Однако аргументация должна быть абсолютно неотразимой. Поэтому я хотел бы посоветоваться с вами на этот счёт. Всё-таки вы лучше знаете своего приятеля... со всех сторон, - веско добавил он.

Я стоял как громом поражённый. - Но ведь Дэнис... - начал я пересохшими губами.

- Господин МакМэрфи, - подхватил шеф, - безусловно способен и перспективен. Но ему, на мой взгляд, не хватает решительности. И мне до сих пор казалось, что у вас её достаточно, - слегка насмешливо пояснил он.

Я молчал.

- Хочется верить, что вы меня правильно поняли, – снова заговорил шеф. – Поэтому сообщаю вам, что в 11 часов начнётся совещание руководства, на котором будет утверждён новый начальник отдела. И если вы согласны с моим мнением, что ваши способности смогут полностью раскрыться на этом посту, то в 10:30 на моём столе должна лежать бумага с... – он сделал паузу, – с неоспоримыми доводами, почему Дэнис Макмэрфи не может занять столь ответственную должность.

У меня словно отнялся язык.

- Надеюсь, - тихо добавил он, - что не ошибся в вас.

Я с трудом доплёлся до своего кабинета. Какой идиотизм! Кто из здравомыслящих людей может предположить, что у Дэниса эта работа выйдет лучше, чем у меня?! Да, он молод, энергичен, талантлив, но он ребёнок! Ему как юному щенку нужен поводок, иначе он будет скакать куда попало от восторга. Власть его просто погубит! Этого нельзя допустить хотя бы ради него самого!

Я почти успокоился. Всё это так, но какие доводы можно привести для толстолобых боссов?! Простая логика их не убедит. Тут нужно что-то сенсационное. Но что плохого можно сказать о Дэнисе? Ничего. И шеф прекрасно знает это! Значит... Сердце моё забилося. Значит, он хочет, чтобы я извлёк на свет какую-нибудь гадость, или даже придумал что-то. Неважно что, лишь бы сделать выдвижение Дэниса невозможным...

У меня на лбу выступила испарина. Время – 9:44. В моём распоряжении ровно 46 минут. Я непроизвольно потянулся за листом бумаги...

- Порог 40! – громко прозвучал в мозгу тот самый голос. – Свёртывание. 7:15.

...Туман рассеялся. Я лежал в своей постели. 7:15 утра. Что-за чертовщина?! Я помотал головой. Сон! Да ведь это был просто сон! Я радостно рассмеялся и вскочил. Приснится же такая гнусность! Чтобы я писал на Дэниса доносы! Тьфу!

В отличном настроении я помчался на работу. С Дэнисом я столкнулся, выходя из лифта.

- Представляешь, старик Тибо умер! – произнёс он растерянно, – Сегодня ночью от инфаркта...

Он продолжал говорить ещё что-то, но я его уже не слушал. Я молча прошёл в кабинет. На селекторе засветилась лампочка:

- Господин Лаунтон! Господин Гексли просит Вас зайти, - как во сне услышал я голос Эвелин...

- ... Надеюсь, что не ошибся в вас, - тихо закончил шеф и уткнулся в бумаги.

Я вышел в липком поту. До сих пор мне не верилось в вещие сны. Минут пятнадцать я бездумно сидел в своём кресле. Что всё это значит? Указующий перст судьбы или её злая насмешка? Внезапно я вздрогнул. 9:44. В моём распоряжении остаётся 46 минут. Мне уже было ясно, что надо делать.

Без стука я открыл дверь в кабинет толстяка Коуна. Он поднял глаза и расплылся в подобострастной улыбке.

- А, Роберт! Привет, старина! – Он тут же принял скорбный вид. – Бедняга Тибо! Кто бы мог подумать... – Он почмокал жирными губами и подмигнул мне. – Теперь будет новый начальник. Как думаешь, кто? - он доверительно приблизил ко мне свою физиономию. – Хочешь пари, что угадаю? – его сосискообразный палец упёрся в мою пуговицу.

Я сильно сжал его руку: – Не торопись, а послушай меня внимательно!

Удивление на его лице сменилось подчёркнутым вниманием. Через минуту он побагровел:

- Да чтобы этот сопляк-мальчишка сел нам всем на шею! – воскликнул он с яростью. – Не-эт! Сейчас же зайду к Биллу и Магде, и мы найдём для шефа кое-что интересненькое!

- Времени у вас – 39 минут, - холодно напомнил я и вышел. Какие ублюдки! Дэнису всё равно не удалось бы с ними сработаться.

- ...Я действительно не ошибся в вас, господин Лаунтон, - медленно произнёс шеф, отрывая взгляд от листа бумаги, - Пожалуй, даже недооценил... Нам будет легко работать!

* * *

На следующее утро ровно в 7:15 меня разбудил тот же голос. Сказав загадочные слова о каком-то конусе и серии, он умолк. Я прислушался к себе и встал. Какая же всё-таки таинственная сила – эти биотоки!

В 11:14 в кабинет влетел Дэнис.

- Роберт, поздравляю! – завопил он, хватая меня за плечи.

- В чём дело? Мой день рождения был ещё позавчера, - как можно спокойнее ответил я.

- Сегодня твой день рождения как начальника нашего отдела! – выпалил он. Глаза его светились неподдельной радостью.

- Вас просит к себе господин Гексли, - вкрадчиво произнёс селектор голосом Эвелин.

...Я допоздна возился в просторном кабинете Тибо. Станным образом, эта архаичная мебель, дурацкий аквариум с успевшими озвереть от голода рыбками, кожаные переплёты кляссеров с марками за мутными стёклами антикварного секретера так живо напоминали о старике, что казалось, будто он всё ещё обитает здесь невидимой тенью. Надо будет поскорее вынести отсюда весь этот хлам.

В бумагах, как и следовало ожидать, тоже царил полный хаос. Что же, тем лучше – будем начинать с нуля! Я выпрямился и вдруг почувствовал небывалый прилив энергии. Наконец-то начнётся моя настоящая, такая долгожданная жизнь! С завтрашнего дня!

За спиной заскрипела дверь. Я резко обернулся. Уж не призрак ли старика Тибо явился посидеть в последний раз за своим дубовым столом?

Дверь медленно отворилась. На пороге, прислонившись плечом к дверному косяку, стояла Эвелин.

Наверное, даже призрак не вызвал бы на моём лице большего изумления, потому что она улыбалась. Но в этой улыбке не было и тени пренебрежения, которое обычно делало деревянным моё тело и язык.

- Осваиваетесь? – просто спросила она, будто это была не Эвелин, а наш бухгалтер Магда. Я кивнул и молча указал рукой на кресло. Она осталась стоять.

- Я была с вами немного дерзка два дня назад, господин Лаунтон, - необычным для неё мягким тоном проговорила она. – Мне не хотелось бы, чтобы вы на меня обижались.

Мой рот чуть было не открылся от изумления, но я справился с собой.

- Надеюсь не оттого, что мы беседуем теперь в этом кабинете? – несколько резче, чем хотел, спросил я.

Она не смутилась. – Я давно чувствую к вам симпатию, господин Лаунтон, а вы как будто не замечаете этого.

Вот это новости! Стоит сделать лишь один шаг вверх, и открываются совершенно неожиданные вещи.

- В таком случае, меня зовут Роберт, а вовсе не господин Лаунтон, милая Эвелин.

- Роберт, - задумчиво протянула она. – Это очень приятно – называть тебя просто Роберт...

У меня слегка закружилась голова.

- Что же так задержало тебя сегодня, милая Эвелин? Ты так можешь проспать завтра на работу к своему любимому шефу.

На её лице появилась гримаска отвращения: – Слава богу, завтра я не увижу эту противную физиономию – ведь впереди выходные!

- Точно! – хлопнул я себя по лбу. – В таком случае возобновляю предложение двухдневной давности – провести вместе вечер в каком-нибудь ресторанчике.

Она лукаво рассмеялась: - Вообще-то, у меня были на завтра другие планы. Но если ты позвонишь мне часиков в семь, то вполне может быть... - она сделала многозначительную паузу, и изящно развернувшись на тонких каблучках, исчезла за дверью.

Постояв немного перед закрытой дверью, я помотал головой. Это что же? Опять сон? Будто в подтверждение этой мысли, знакомый голос произнёс: - Промежуточный конус Эль-Эф. Свёртывание. 7:15.

Просыпаясь, я даже рассмеялся над собой: вот уж чего действительно не может быть никогда!

Но в 11:14 в кабинет влетел Дэнис: - Роберт! Поздравляю!..

Весь день шёл будто по знакомому сценарию. Я с нарастающим волнением ждал 11 часов вечера.

22:58... 22:59... 23:00. Тихо скрипнула дверь. На пороге, прислонившись плечом к дверному косяку, стояла Эвелин...

В субботу у меня всё валилось из рук. Я не мог толком сосредоточиться ни на одной мысли. Я уже был не в состоянии понять, где сон, а где моя реальная жизнь. В 6 часов вечера рука сама потянулась к трубке, но я отдёргнул её. Мне показалось это просто невыносимым – позвонить Эвелин!

Плюнув с досады, я уселся перед телевизором и незаметно задремал. По телевизору что-то рассказывали про какие-то конусы и серии. Меня разбудил телефонный звонок. Было 19:02. Я схватил трубку.

- Робби! – услышал я капризный голос Эвелин. – Между прочим, я из-за тебя отказалась от двух очень заманчивых предложений. А ты, как видно, уже обо всём забыл.

- Прости, милая! Я только что закончил пришивать пуговицы к штанам, - только и нашёл что ответить я.

Она рассмеялась:

- Это в какой-то степени тебя оправдывает! Но если ровно в восемь ты не будешь стоять у моей двери – то я ещё раз изменю свои планы. Я живу на Парфянском шоссе, дом 145. – Она повесила трубку.

Я как полоумный бросился в душ. Смотреть на часы не было нужды – у меня оставалось 54 минуты.

Через полчаса я уже гнал свой «Трайидент» в направлении Парфянского шоссе. Это было почти в противоположном конце города. Я выбрал более длинную, зато почти пустынную дорогу. Лёгкая дрожь стремительно несущейся машины приятно передавалась всему телу.

Так. В «Подветренную Сторону» я Эвелин не повезу. Уютно-сумрачная атмосфера этого ресторанчика-малютки не очень-то подходит для таких блистательных женщин. А не повести ли её в «Гефсиманский сад»? – вдруг мелькнула у меня мысль, но я тут же отверг её. Общество Криса навряд ли развлечёт Эвелин – объяснил я себе, на самом деле попросту подспудно опасаясь того впечатления, которое Крис неизбежно произведёт на неё. Да и скорее всего, там его просто не окажется. Значит на Маковый бульвар. В конце концов, теперь я могу позволить себе с роскошью отметить новое назначение, тем более в обществе очаровательной секретарши шефа...

Мои мысли прервал визг тормозов и глухой удар впереди. Я инстинктивно нажал на тормоз. Метрах в 50 от меня на дороге боком стоял бирюзовый «Шевроле». Я ещё не успел ничего сообразить, как он рванул с места и, круто

повернувшись, исчез за поворотом. Только теперь я заметил, что на дороге кто-то лежит. Я подъехал ближе и вышел из машины.

В метре от обочины лежала девушка, или девочка-подросток – её лица совсем не было видно из-за крови. Я попытался поднять её – она безжизненно прогнулась, и длинные тёмные волосы словно кисть прочертили на асфальте кровавую полосу. Растерявшись, я стал было втаскивать её в машину, как вдруг в моей переполненной обрывками мыслей голове вспыхнул один ясный и чёткий вопрос: а как доказать, что это сделал не я?! В любой больнице меня тут же задержат и вызовут полицию. Пока проведут экспертизу, пока составят протокол – пройдёт как минимум часа полтора-два. А Эвелин? Вряд ли она захочет иметь дело с таким невежливым кавалером!

В мозгу снова затикали часы: 19:48 – у меня всего лишь 12 минут. Я посмотрел на девушку: ей, скорее всего, уже нельзя помочь – никаких признаков жизни. Я опустил её на асфальт и огляделся. Поблизости не было даже телефона-автомата. Вдали вдруг показался свет фар. Не раздумывая, я прыгнул в «Трайидент» и включил передачу. Мне показалось, что девушка что-то простонала, но я уже нажал на газ. Полминуты роли не сыграет – сейчас её подберёт другая машина.

У поворота на Парфянское шоссе я всё же притормозил и оглянулся – тот автомобиль, не останавливаясь, проехал мимо лежащей девушки. Какие же есть на Земле подонки! Ведь её нельзя было не заметить! Но в голове протикало: 19:50, и я свернул на шоссе. Всё! Теперь выбросить это из головы. Девчонка была мертва! Мертва! И я ничего не мог поделать. А теперь – меня ждёт Эвелин, и я должен забыть обо всём, чтобы быть весёлым и галантным. Я даже на мгновение выпустил руль, чтобы встряхнуть дрожащие кисти.

В 20:02 я был у её изящного особнячка. Неплохо же шеф содержит своих любовниц! Эвелин открыла дверь с наигранной обидой на личике.

- Я уже думала, что ты решил обновить пуговицы на всём своём гардеробе!

На ней было длинное полупрозрачное платье, под которым не угадывалось и намёка на какое-либо бельё.

- Тебе не помешало бы ещё что-нибудь накинуть, - произнёс я хриплым, чужим голосом.

- Зачем? – она подняла руки и вышла на свет. – Тебе так разве не нравится?

Я почувствовал, как вдоль позвоночника побежали мурашки. Захотелось даже на миг закрыть глаза. Она уютно уселась в кресло, стоящее в прихожей. - Проходи же. Я решила провести вечер в домашней обстановке за бокалом «Мартини», ты не возражаешь?

Я сделал шаг вперёд, как вдруг она вскрикнула и в страхе поджала ноги:

- На тебе кровь!

- Какая кровь? – не сразу сообразил я, потом вдруг в памяти ярко вспыхнул свет придорожного фонаря, лежащая девушка, кровь на её волосах...

- Ерунда! – сказал я и сбросил пиджак. – Это не моя кровь!

Страх на её лице сменился лукавой улыбкой:

- Милый Робби! Ты, верно, убил одного из моих поклонников, вечно околачивающихся под окнами! Так снимай же поскорее и брюки – они тоже в крови...

- Порог-70! Свёртывание. 20:12.

Я попытался сделать шаг к Эвелин, но провалился в холодный туман, и, грязно выругавшись, очутился дома в своём кресле перед телевизором.

Было 19:01. Через минуту раздался телефонный звонок...

Тот бирюзовый «Шевроле» я заметил ещё издали. Я хотел обогнать его, но он летел на слишком уж большой скорости. Поворот к Парфянскому шоссе неуклонно приближался. Быть может, вещие сны не всегда вещие? – подумал было я, но впереди раздался визг тормозов и глухой удар...

Я проехал мимо того места, не снижая скорости и стараясь не глядеть вправо. Зачем пачкать кровью свой лучший выходной костюм, если судьбою уже всё predetermined? И теперь никакой голос не разбудит меня в двух шагах от Эвелин!

...Я возвращался домой рано утром, слабый от блаженной усталости, слегка притупляющей чувство гордого изумления. Думать ни о чём не хотелось. Хотелось только поскорее лечь в постель, а потом, проснувшись, вдруг вспомнить эту невероятную сумасбродную ночь, неправдоподобно близкие, светящиеся глаза Эвелин, её детские, самозабвенные возгласы...

Однако подсознательное ощущение дискомфорта отвлекло меня от этой приятной отрешённости. А! Вот в чём дело! Тот самый поворот. Я остановился у знакомого фонаря. На асфальте не было ни пятнышка крови.

Не веря своим глазам, я дважды проехал взад и вперёд по тому месту, затем вылез из машины. Мыть дорогу ночью никто бы не стал, да и от торможения должны были обязательно остаться следы. Значит, мне это всё-таки приснилось? Но не снится же мне сейчас, что я еду от Эвелин, ещё не остыв от её прощальных поцелуев!

Я подозрительно прислушался к себе: не возвестит ли таинственный голос об очередном свёртывании какого-то там конуса? Мне показалось вдруг, будто я слегка свихнулся. Что-то и в самом деле со мной происходит. Живу точно во сне, и в то же время сны мои настолько реальны, что я уже начинаю путать их с жизнью. Не показаться ли психиатру?

Эту идею пришлось тут же отогнать. Этак, место начальника отдела опять станет вакантным! С ребятами типа толстого Коуна глазом не успеешь моргнуть, как очутишься в сумасшедшем доме.

Дома, в постели рядом со слабо мерцающим глобусом Криса все терзания и сомнения показались сущим бредом. Просто-напросто я наконец попал в струю везения, и теперь сбывается то, о чём я больше всего мечтал. Сбывается потому, что я этого достоин! И вполне естественно, что у меня поэтому слегка кружится голова и мерещатся какие-то вещие голоса. Я-то чувствую себя здоровым и жизнерадостным как никогда! Это была последняя мысль, перед тем как я погрузился в глубокий растворяющий сон...

Очнулся я от телефонного звонка. 12:40. Я выполз из-под одеяла, тщательно вслушиваясь в себя. Никаких голосов не было и в помине. Пожав плечами, я снял трубку.

- Робби! – почему-то шёпотом сказала Эвелин. – Робби, милый, я до сих пор не могу уснуть. Я всё время думаю и мечтаю о тебе!

По позвоночнику опять пробежали сладкие мурашки.

- Постарайся уснуть, моя милая. Тебе надо отдохнуть.
- Робби... - она помолчала. – Робби, можно я приеду к тебе? Я хочу увидеть тебя сейчас...

- Прямо сейчас? – растерянно переспросил я.
- Ты не хочешь, нет? – её капризная интонация была по-детски трогательна.

- Хочу! Ужасно хочу! – заорал я. – Давай часика через два. Надо привести себя в порядок, да и дома беспорядок...

Она вздохнула: - Хорошо, постараюсь вытерпеть ещё целых два часа...

- Жозефина! – Я вылетел в гостиную, на ходу натягивая халат.
- Господин Роберт... - начала было она, но я перебил её:
- Значит так! Тебе времени один час, чтобы навести идеальный порядок, и час – чтобы приготовить что-нибудь вкусненькое! После этого ты свободна до завтра.

- Господин Роберт, - повторила она. – Я не хотела вас будить... Вечером звонила ваша мать – она очень плохо чувствует себя...

Я замер посреди комнаты. – Что с ней?

- Она не стала говорить. Вы же её знаете. Но мне думается – опять что-то с сердцем.

- Чёрт! – я схватил трубку. – А сегодня она не звонила?

- Звонила утром. Она просила передать, что хотела бы приехать.

Я опустил трубку. – Как приехать? Ей что, уже лучше?

- По-моему, нет – просто она очень хочет видеть вас.

Я опять взял трубку, потом остановился.

- Ступай Жозефина, мне надо с ней поговорить.

- А как же уборка, господин Роберт?

- Потом, потом! – махнул я рукой. – Начинай пока возиться на кухне.

Я набрал номер матери. Сначала мне показалось, что ответила не она – таким чужим и состарившимся послышался мне её голос.

- Мама! – сжал я трубку. – Что с тобой стряслось?

Она ответила не сразу: - Старость, Робби. Старость хватает за горло...

- У тебя был врач? Что он говорит?

- Что он может сказать? Когда тебе за 70, сердце становится слишком ненадёжным, чтобы сказать что-то наверняка.

- Значит всё-таки опять сердце! Тебе не следовало было пить тогда коньяк!

Она вяло усмехнулась. – Мне не следовало бы так волноваться. Целыми днями я только и делаю, что думаю и переживаю о тебе. Наверное, ты всё-таки был прав – мне надо жить вместе с тобой.

- Конечно, мама, конечно! Почему надо было обязательно дожидаться крайности, чтобы с этим согласиться? Завтра же я приеду за тобой и...

- Завтра? – растерянно переспросила она. – Но я хотела, чтобы ты приехал за мной уже сегодня...

Я переложил вспотевшую трубку в другую ладонь. Чёрт! Как всё это неожиданно. Что же делать с Эвелин? Она и слушать не станет никаких объяснений. Ну почему именно сегодня?!

- Мама! – строго сказал я.– Тебе сегодня нельзя двигаться! Ты должна немедленно лечь в постель и отдохнуть до завтра. А я сразу после работы заеду за тобой и привезу к себе.

- Я бы чувствовала себя гораздо спокойнее рядом с тобой...

У меня вспотела и вторая ладонь.

- Но меня сегодня весь день не будет! – неожиданно для самого себя соврал я. – Мне уже надо ехать: шеф велел до завтра разобраться с делами. Я и вчера просидел до самого утра...

- Да, знаю – я звонила тебе вчера вечером, - каким-то тусклым голосом произнесла она. – Что ж, тогда жду тебя завтра, сынок. Только приезжай пораньше.

- Обязательно, мама, обязательно! Ты только не волнуйся и отдыхай – это теперь самое главное!

Я в изнеможении опустил трубку. Зачем я это сделал? Матери действительно нужен сейчас только я. Но тут же успокоил себя – один день ничего не решит. Она ведь уже чувствует себя лучше! И ей в самом деле необходим покой... 15:25! Я встрепенулся. До встречи с Эвелин остаётся чуть больше часа!

... Она осталась у меня до самого утра. Вечером она дважды собиралась уходить, но оба раза, уже стоя одетой перед дверью, снова бросалась в мои объятия, заглядывая в глаза: - Робби! Нет, я не могу...

Засыпая под утро, обняв обессиленную Эвелин, я равнодушно подумал, что завтра никакая сила не заставит меня подняться на работу. Но в 7:15 бодрый голос провозгласил: - Дубль – конус 6. Серия Эм-Ди. 7:15. Подъём!

Сна как не бывало. Я лежал, по-прежнему обнимая тихо дышащую Эвелин, и будто не было позади сумасшедшей ночи, которая, казалось, выжала из меня последние соки. Я разглядывал утомлённые и оттого подчёркнуто красивые черты спящей Эвелин. Её нисколько не портили даже тёмные круги под глазами, а припухшие губы звали, тянули к себе...

Однако новому начальнику отдела не пристало опаздывать на работу, да ещё и вместе с секретаршей шефа. Я с усилием оторвал взгляд от Эвелин и осторожно попытался вытащить руку из-под её головы. Она даже ничего не почувствовала, но в этот момент зазвонил телефон. Кто это может трезвонить в такую рань?

- Господин Роберт Лаунтон? – вежливо осведомился в трубке мужской голос.

- Да, - ответил я, ощущая всё нарастающую тревогу. – Кто это?

- С вами говорит доктор Пауль. Ваша мать...

Я болезненно напрягся.

- Ваша мать у нас в клинике. Ночью у неё был приступ. Хорошо, что у неё хватило сил добраться до телефона.

Я словно онемел.

- Алло! Вы меня слышите?

- Да, - сказал я. – Как она сейчас?

- Сейчас гораздо лучше. Но мне необходимо с вами поговорить. Вы сможете приехать?

- Да, конечно, - сказал я. – Сейчас же выезжаю. Адрес вашей клиники?

Быстро одеваясь, я взглянул на Эвелин. Пора будить и её. - Малышка! Вставай.

Она открыла сонные глаза и улыбнулась: - Робби... Ты уже одет! А мне так хотелось посмотреть на тебя обнажённого при утреннем свете...

- Некогда, милая, - озабоченно ответил я, затягивая галстук. - У меня беда - мать увезли в больницу. А тебе пора на работу - скажешь шефу, что я звонил и взял отгул.

Она нехотя села и зевнула: - А сколько ей лет?

- Чуть больше семидесяти.

Она передёрнула плечами: - Ни за что не хочу дожить до такого возраста, когда для всех становишься только обузой.

Не отвечая, я выскочил из комнаты.

Мы шли с доктором Паулем по серому больничному коридору.

- Я не стал говорить всего по телефону. Дело в том, что её сердце - это не самое страшное.

Я с ужасом посмотрел на него.

Он кивнул: - Да. Рак. Вы обязаны об этом знать. Сделать уже ничего нельзя - это лишь вопрос времени.

Я облизал пересохшие губы. - Сколько она ещё будет жить?

Он задумчиво покачал головой: - Точно сказать нельзя. Всё будет зависеть от её общего состояния. Если не произойдёт вспышки, то она проживёт и год, и два, и больше.

Я облегчённо вздохнул.

- Но ей нужен постельный режим и тщательный уход. Никаких волнений, никаких отрицательных эмоций. Иначе он сожрёт её за пару недель.

Я вздрогнул. - Доктор, когда я смогу забрать её домой?

- Хоть сейчас. Но сначала зайдёте ко мне в офис - вы должны подробно записать все рекомендации.

* * *

... Уже к концу первой недели я почувствовал, что выбиваюсь из сил.

Болезнь сделала непостижимое: мать из спокойной, полной достоинства пожилой женщины превратилась в капризную, истеричную старуху.

Весь присущий ей прежде такт, нежелание обременять кого-то даже в мелочах, обрели свою противоположность - теперь она непрестанно укоряла всех за отсутствие внимания и желание поскорее отделаться.

Семь суток напролёт она не давала покоя ни мне, ни Жозефине, каждые пятнадцать-двадцать минут звоня в бронзовый колокольчик. Даже когда мы оба, толкая друг друга, без промедления влетали в её комнату, она встречала нас обиженными, монотонными упрёками, выдавливая из себя, казалось намеренно, надрывной, сухой кашель.

Выговорив нам скрипучим голосом за невнимательность и нерасторопность, она то требовала принести свежей воды, выплеснув на пол воду из стакана, принесённого Жозефиной полчаса тому назад, либо жаловалась на несуществующий сквозняк...

От бессонных ночей и нервотрёпки мне было уже не до работы. Временами я просто неподвижно сидел в кабинете, тупо уставившись в одну точку, в то время как часы в моей голове отсчитывали секунды, минуты, часы, которые для меня были так важны, так необходимы!

У меня напрочь пропал интерес ко всему окружающему. А ведь какую-то неделю назад я был преисполнен решимости горы свернуть! Теперь мне всё стало безразлично.

Я забыл даже о существовании Эвелин. Когда она в конце рабочего дня с обиженным видом появилась вдруг на пороге моего кабинета, мне пришлось очнуться и поспешно встать ей навстречу.

- Не утруждайте себя, господин Лаунтон, - коротко произнесла она. - Я пришла не затем, чтобы напомнить о себе. Господин Гексли просил передать вам это.

Она положила на стол папку и направилась к двери. Я хотел было остановить её, но в этот момент зазвонил телефон. Я тут же схватил трубку.

- Господин Роберт! - прозвучал в ней взволнованный голос Жозефины. - Мать очень хочет видеть вас, по-моему, ей стало хуже...

Не дослушав, я как полоумный бросился к двери, оттолкнув опешившую Эвелин. Она изумлённо уставилась на меня, но у меня не было времени даже извиниться.

Однако это оказалось лишь очередным капризом матери. Возникло такое впечатление, что её состояние напротив улучшилось. В течение получаса она читала мне нотацию за невнимание и жаловалась на Жозефину. Мои нервы были на пределе, поэтому я побоялся возразить хоть слово.

Наконец она отпустила меня нарочито измождённым жестом, и я направился к телефону. Номер Эвелин долго не отвечал, наконец она сняла трубку.

- Малышка..., - начал я как мог ласково, хотя мои мысли были заняты совсем другим. Однако продолжать не пришлось - в трубке послышались гудки. Я принялся было набирать номер ещё раз, но вдруг на меня нахлынуло отчаяние. Швырнув трубку, я усталю опустился в кресло.

Что изменит мой звонок? Мать никуда меня от себя не отпустит. Сколько будет продолжаться этот кошмар? Я обхватил голову руками, и тут, словно в подтверждение моих раздумий, через открытую дверь донёсся раздражённый крик: - Роберт! Жозефина! Поменяйте же мне наволочку кто-нибудь! Я уже час лежу на мокрой наволочке!

У меня не было сил сдвинуться с места. Я слышал, как мать сварливо поносит суетящуюся вокруг неё Жозефину, и вдруг в моей голове мелькнула эта мысль, один единственный раз промелькнула такая мыслишка: «Но это ведь всё равно уже безнадежно. Не лучше было бы...»

Я как ужаленный вздрогнул от этой мысли, почувствовав, что её надо немедленно вычеркнуть, выбросить из сознания, но было уже поздно!

Торжествующий, как мне показалось, голос произнёс: - Конус 6! Порог 90. Свёртывание. 7:15.

Я попытался удержаться за ручку кресла, но словно провалился куда-то...

...Я лежал, по-прежнему обнимая одной рукой тихо дышащую Эвелин, и будто не было позади сумасшедшей ночи... Я осторожно попытался вытащить

руку из-под её головы, но в этот момент зазвонил телефон. Кто это может трезвонить в такую рань?

- Господин Роберт Лаунтон? – вежливо осведомился в трубке мужской голос. – С вами говорит доктор Пауль. Ваша мать...

Я болезненно напрягся.

- Ваша мать умерла сегодня ночью у нас в клинике. Я очень сожалею...

У меня словно отнялся язык. На мгновение мне показалось, что рассудок окончательно изменил мне. Я осторожно положил трубку на рычаг, и огляделся. Ведь это всё уже было! Я помню сегодняшнее утро до секунд, до мельчайших подробностей! И свернувшуюся в клубок спящую Эвелин, и зеленоватое небо за окном, и внезапный звонок в 7:17 – всё это уже было! С той лишь разницей, что...

Телефон зазвонил снова: - Господин Лаунтон, - мягко произнёс тот же мужской голос, - Я трижды извиняюсь, что вынужден беспокоить вас в такую горестную минуту, но некоторые формальности... Запишите, пожалуйста, адрес нашей клиники. Вам надо будет приехать к нам, и желательно сегодня.

Я растолкал сонную Эвелин.

- Вставай, Малышка! Мне надо ехать, у меня беда – мать умерла сегодня ночью в больнице. Скажешь шефу, что я звонил и взял отгул.

Эвелин нехотя села и зевнула: - А сколько ей было лет?

- Чуть больше семидесяти.

Она передёрнула плечами: - Ни за что не хочу дожить до такого возраста, когда даже твоя смерть становится для всех только обузой!

* * *

Я не помню, как оказался тем вечером в «Гефсиманском саду». Крис сидел за своим обычным столиком и, как мне показалось, уже знал обо всём. В его сочувственном взгляде словно заключалось моё утешение, объяснение всего невероятного, что творилось со мной в последние дни, вернее, не столько объяснение, но смирение перед его фатальной неизбежностью. Впервые за последнее время я почувствовал успокоение, словно в детстве, выплакавшись после незаслуженной обиды.

Он слушал меня, как всегда, не перебивая, но так внимательно, как мог делать только он – казалось, что он участвует в разговоре, всецело разделяя мою боль. Странно, но тогда в его взгляде мне на мгновение почудилась какая-то отчуждённость, даже граничащая с неприязнью. Да только я тут же отогнал это неприятное ощущение – оно показалось мне болезненным бредом воспалённого мозга! Никому не понять меня и тем более не утешить лучше Криса.

- Ты просто устал, - наконец спокойно произнёс он. – Такие переживания не проходят даром. Ты уже не можешь понять, где же на самом деле ты, а где – нет... Вернее, пока не можешь, - добавил он задумчиво, но тут же его голос вновь обрёл твёрдость и убедительность. – Надо на время сменить обстановку, забыть обо всём, отвлечься. У меня есть чудесное место для этой цели. Дом моего друга на побережье. Кроме него и слуги там никого нет. Неделя отдыха в саду, на морском берегу, купания, уединение – и ты снова станешь самим собой. – Он внимательно смотрел на меня.

- Но, Крис, шеф этого не поймёт...

- Насколько я могу судить, пока ничего не можешь понять лишь ты сам. А поэтому надо взглянуть на всё со стороны. Я помогу тебе с похоронами, и сразу же поезжай. А через неделю и я тоже приеду туда, и мы вместе разберёмся, где же на самом деле есть ты, - прибавил он, слегка улыбаясь, но во взгляде его была неизъяснимая грусть...

* * *

Вот уже шесть дней я живу в белом двухэтажном домике на самом берегу моря. Друг Криса оказался человеком необычайно тактичным – я почти не ощущал его присутствия, и в то же время не чувствовал гнетущего одиночества. Он появлялся именно в те минуты, когда у меня возникала потребность общения с живым существом.

Говорил он мало – в основном немногословно поддерживал мои рассуждения о смысле жизни, о сложности человеческой природы и прочей философской ерунде, к которой у меня порою стал возвращаться вкус. Чем-то неуловимым он напоминал Криса – то же ощущение таинственного, глубинного интеллекта, выражающегося в непостижимом обаянии.

Кроме него в доме был слуга – молодой симпатичный негр, в облике которого присутствовало всего два цвета – белый и чёрный: он очень походил на контрастный негатив.

Местечко действительно оказалось чудесным. Я даже не предполагал, что где-то ещё остались такие нетронутые фрагменты природы. Игрушечный домик с оранжевой крышей так органично вписывался в зелень холмов и голубизну моря, разделённых жёлтой полосой пляжа, что его отсутствие сделало бы этот пейзаж идилично ненатуральным.

С первого дня я почувствовал себя здесь словно вынырнувшим на поверхность из чёрной, маслянистой жидкости. Будто в другом мире осталась осенняя слякоть кладбища на Верденском холме, серый офис с недовольной физиономией шефа, и лица, лица, лица – равнодушные, завистливые, плотоядные...

Вот уже шесть дней мне снятся нормальные сны, не преследуют «конусы» и «свёртывания»; я живу своей собственной жизнью, и всё происшедшее кажется нелепым кошмаром. Я – нормальный, обыкновенный человек. Единственное, что отличает меня от других, это то, что я удивительно точно чувствую бег времени – вплоть до долей секунды – но и это лишь благодаря хитроумной японской штуковине Криса.

Шесть дней пролетели незаметно, и как-то за ужином Жильбер – хозяин дома – с улыбкой сообщил мне, что завтра приезжает Крис. Я радостно встрепенулся. Как кстати! Именно в тот момент, когда ко мне вернулась уверенность в себе и желание жить. Я уже начал было подумывать, не многовато ли для отдыха двух недель, с таким трудом выпрошенных у шефа, когда на работе дел действительно невпроворот. И вдруг – приезжает Крис! Я не смог бы толком объяснить, почему я так ждал этой встречи: необыкновенная аура Криса как магнитом притягивала меня, и на душе теплело от одной лишь мысли о нём.

...Крис приехал рано утром. Я прогуливался вдоль шумящего моря, поглядывая на дорогу в ожидании машины, как вдруг неожиданно увидел его

знакомую высокую фигуру, стоящую у самой кромки прибора. У меня даже мелькнуло ощущение, будто он возник из морской пучины. Он, улыбаясь, смотрел на меня, но в его облике мне почудилось какое-то напряжённое ожидание.

... Мы долго бродили босиком по песку. Он расспрашивал меня об ощущениях последних дней, о моих размышлениях по поводу происшедшего, сам рассказывал новости городской жизни с присущим ему сочетанием остроумия и беспристрастности. Я от души смеялся, и меня вдруг неудержимо потянуло обратно, в гущу людей и событий.

- Не торопись, - остановил он меня. - Ты ещё не до конца готов вернуться в свою жизнь, или вернее было бы сказать, к себе самому. Надо подождать недельку.

Я с лёгкостью дал уговорить себя. Мог ли я представить, какую «недельку» он мне уготовил!

Вечером после ужина мы долго разговаривали. Любимой темой Криса были, как всегда, люди, но в тот вечер он говорил об их вечных пороках и слабостях. Он рассуждал без умудрённой снисходительности философа, но пронзительно и остро, как наблюдательный психолог. И всё же в его суждениях сквозила некоторая разочарованность.

Я заспорил с ним. Я тоже любил поговорить на эту тему, тем более что события последних дней дали мне дополнительную пищу для размышлений. Мой настрой был более оптимистичен – я попытался доказать, что достоинства людей в процессе эволюции вытесняют их природные изъяны.

Крис как-то странно взглянул на меня.

- Неужели ты до сих пор ничего не понял? – задумчиво произнёс он.

Жильбер, молчавший почти весь вечер, тоже внимательно посмотрел на меня. Вдруг отчего-то мне стало жутко. Показалось, что эти люди рассматривают меня словно прозрачного, видят во мне то, чего я сам не в состоянии осознать... Я почувствовал себя жалким и смешным, но... Крис улыбнулся, и всё в мире вновь обрело свои обычные радужные цвета.

Мы разошлись далеко за полночь.

* * *

В ту ночь всё началось заново.

Вернее, тогда мне показалось, будто ничего не началось. Я просто услышал сквозь сон тот же голос, сказавший что-то о конусе, но беспокойство тут же исчезло, и, перевернувшись на другой бок, я снова уснул как младенец.

Утро было как всегда прекрасным. Мы завтракали на балконе.

- Какой отличный ветер сегодня, - глядя в сторону моря, сказал Жильбер. - Ишь, какие барашки гоняет! Давайте-ка после завтрака прокатимся на яхте – в такую погоду это ни с чем не сравнимое удовольствие.

Мы уже шли по тропинке сада к причалу, как сверху послышался голос Джерри, молодого слуги-негра:

- Господин Лаунтон! Господин Лаунтон! Вас срочно просит к телефону господин Дэнис!

Всегда жизнерадостный голос Дэниса был на этот раз заметно озабочен.

- Робби, дружище, привет! Как тебе отдыхается? – начал он, но не дождавшись ответа, сразу перешёл к делу: - Роберт, мне нужна твоя помощь, очень нужна! Мне больше рассчитывать не на кого.

Он пустился в пространные рассуждения, но я перебил его.

- Пустое! Говори яснее, что я могу сделать?

Он вздохнул. – Видишь ли, вопрос очень деликатный. Дело в том, что Анет...

Из его путаных объяснений я понял, что они всё же умудрились рассориться с родителями его невесты, и теперь те довели бедную девушку до того, что оставаться дома ей стало невмоготу. Боже, и откуда только берутся подобные семейства!

- ...Понимаешь, я бы, конечно, взял Анет к себе, но это – окончательный разрыв с её семьёй, да к тому же ты можешь представить, как отнесутся к этому мои родители...

Теперь вздохнул я. И это – XX век! Но что поделаешь, если в определённой среде ещё культивируются столь пуританские взгляды.

- Короче, если я правильно тебя понимаю, надо пристроить её ко мне?

- Ну, если только можно, - извиняющимся тоном сказал он. – Ты ведь всё равно пока не живёшь дома. А свадьба уже всего через три недели. Понимаешь, у неё совершенно нет близких подружек...

Я облегчённо засмеялся. Сколько разглагольствований из-за какого-то пустяка!

- Ну конечно, конечно, Дэнис! Пусть живёт хоть полгода – она мне не помешает. Вот только...

Он, не дослушав, обрадованно завопил: - Ура! Роберт! Ты – друг! Ты даже не представляешь, как ты нас выручил!

Я поморщился. – Брось, не преувеличивай. Вот только не знаю, как быть с ключами. Ведь Жозефину я отпустил... Ну да ладно! По такому случаю сгоняю туда-сюда, что ж с вами поделаешь...

Конец моей фразы вновь был заглушён восторженными возгласами. Вот мальчишка!

Через десять минут я уже выруливал на трассу. Шоссе здесь словно зеркальное, и для моего «Трайдента» домчаться до города – это максимум полтора часа.

Честно говоря, знакомство с невестой Дэниса мало интриговало меня. По его рассказам я уже составил представление о ней, и этот стереотип инфантильной пай-девочки меня не интересовал. Не люблю чрезмерно скромных девушек. В них мне видится какая-то ущербность.

Однако тормозя у ворот своего дома, я удивлённо присвистнул. Даже издали бросалось в глаза, насколько не сочетается её облик со взбалмошным, дёрганым Дэнисом. Его долговязая фигура, нескладно припрыгивающая и размахивающая руками, в другое время казавшаяся весьма милой и обаятельной, сейчас выглядела нелепым шутовским контрастом её изысканной элегантности.

Они оба улыбались, невольно улыбнулся и я, ибо растянувший свои ребяческие губы Дэнис был похож на маленького утёнка, выглядывающего из-за плеча принцессы. На её роскошных чёрных волосах, просто и изящно

лежащих на плечи, царская диадема выглядела бы вполне естественным аксессуаром.

Она не сверкала экранным блеском Эвелин. Эта девушка была неизмеримо выше по классу! От её облика исходило ощущение спокойной гармонии, и в то же время в глазах светилось нечто неуловимое цыгански-бесовское, хотя возможно такой эффект создавала едва заметная горбинка носа, или чуть своевольный изгиб полных, округлых губ...

Всё это промелькнуло в моём сознании, пока я нетвёрдыми шагами шёл от машины к крыльцу.

- Вот он – Роберт! - завопил Дэнис, бросаясь мне навстречу. – Анет, знакомься – это мой лучший друг, и вообще самый лучший!...

Я даже не сделал попытки остановить его болтовню, совершенно замороженный её открытым, внимательным взглядом, тёмным румянцем, разлившимся по загорелым щекам.

- Господин... э-э... Роберт. Лаунтон, - пробормотал я, не успев собраться. Она рассмеялась.

- Я уже знаю! Давно просила Дэниса познакомить меня с самым симпатичным мужчиной из его фотоальбома!

Вот уж не подумал бы, что ещё способен краснеть, знакомясь с девушками!

...Пока мы ходили по комнатам, выбирая самую подходящую, пока переносили туда вещи Анет, пока я знакомил её с устройством дома под аккомпанемент жизнерадостного щебетания Дэниса, меня не покидала мучительная мысль: что у них может быть общего?! Да, безусловно, Дэнис мил и симпатичен, он – отличный парень, но не больше! Как ему удалось пленить это божество?! Неужели она не испытывает неловкости, появляясь с ним на людях?

Мне никак не удавалось успокоиться, пока я вдруг с решительным злорадством не заключил, что они – «не пара»! На душе почему-то полегчало, будто я оправдал собственные терзания. Я выругался про себя. Мне-то какое до этого дело?! И всё же что-то грызло меня изнутри. Никогда никому не завидовал из-за женщины, но тут... Да и не в зависти здесь вовсе дело – это была просто вопиющая несправедливость!

У меня окончательно испортилось настроение. Я чувствовал, что кажусь раздражённым, и это просто невежливо. Ещё, чего доброго, подумают, будто я пожалел о своём гостеприимстве. Однако ничего поделать с собой не получалось. Чувствуя на себе время от времени взгляд её магических глаз, я всё больше терялся и злился на себя и на ситуацию.

- Мне пора! – наконец резко оборвал я Дэниса. – Извините. Устраивайтесь как дома, мисс.

Дэнис смутился и тоже заторопился. - Да-да, мы и так испортили тебе целый день. Ещё раз спасибо, дружище!

- Но тебе-то некуда спешить, можешь остаться! - со злорадством сказал я, отлично зная, что этого не произойдёт.

Дэнис ещё больше смутился и стал бессвязно оправдываться, будто я уличил его в чём-то предосудительном. Я впервые посмотрел прямо в глаза Анне, и она понимающей улыбкой ответила на мой взгляд.

Спускаясь по лестнице, я боялся упасть – до того кружилась голова. У ворот, чтобы не встречаться глазами с Анной, я смотрел на Дэниса, и мне вдруг

стало его жаль. Он ведь потеряет её, и потеряет себя, так и не осознав какое сокровище по слепой удаче попало в его неумелые руки.

- Садись, подвезу тебя, - предложил я, почувствовав угрызения совести от этих мыслей. Дэнис неловко чмокнул невесту в щёку и забрался в машину.

Не удержавшись, я всё же посмотрел на Анну и сразу закрыл глаза. Она стояла, слегка изогнувшись в талии, на её щеках горел тот же смуглый румянец, а в глазах... В этих насмешливых глазах было осознание своей магической силы, своей власти.

Мне показалось, что я не в состоянии вести машину, но собравшись, я взялся за руль. Ещё не хватало – из-за какой-то девчонки!..

Дэнис почти всю дорогу сидел с виноватым видом, нахохлившись, точно птенец. Чувство вины с новой силой охватило меня. В конце концов, этот парень заслуживает лучшей девушки в мире... Да, лучшей, но не этой! Я опять одёрнул себя. Он – мой друг, внушал я себе. Я обязан помогать ему, радоваться его удаче.

- Тебе... тебе не понравилась Анет? – робко начал он. – Ты не думай... Она просто...

Вот тебе и раз! Он что, даже не почувствовал какой смерч эмоций она вызвала во мне?! Я от души рассмеялся.

- Очень понравилась, - по-отцовски успокоил его я. – Только будь внимателен – эта девушка потребует королевского отношения. И бдительности, - добавил я, искоса взглянув на него.

- Ну что ты! – вспыхнул он, словно от похвалы. – Мы же просто созданы друг для друга!.. (Нет, ну какая детская самонадеянность!) – Мы так понимаем друг друга, что нам даже иногда снятся одинаковые сны... – (Сны? Выходит, не одному мне повезло со снами?) – ... Она... Она – совершенство! Ведь правда? – (Что правда – то правда. Только совершенство не может принадлежать кому-то одному...).

- Что правда – то правда. Только совершенство надо беречь, чтобы оно не стало чем-то привычным.

Он понимающе улыбнулся, вздохнул и умолк. О, эти влюблённые дети!

Прощаясь, я крепко пожал ему руку и посмотрел в глаза. Может быть так я пытался пробудить в себе силы, которые заставили бы меня отказаться от того, что уже созрело во мне...

... Я гнал машину по шоссе, всё увеличивая и увеличивая скорость, словно не знал, что всё равно вернусь. В висках бешено стучала кровь, глаза застилала слепящая пелена... Я резко нажал на тормоз и прямо через бордюр переехал на встречную полосу.

Уже подъехав к дому, я ещё не знал, что ей скажу. Чем объяснить возвращение? Как с ней держаться? Я вдруг почувствовал себя кретином. Какого чёрта я вообще припёрся? Что мне нужно от невесты моего друга?!

Скажу честно, уехать тотчас же мне помешала мысль о том, что засветло до виллы Жильбера уже не добрать. Я ощутил опустошающую усталость и, проклиная себя и весь мир, медленно вылез из машины. В конце концов, имею я право просто отдохнуть у себя дома?!

Дверь оказалась незапертой. Я тихо вошёл в дом. Анна стояла на лестнице. Мы долго смотрели друг на друга.

- Ты забыла запереть дверь, Анет, - хрипло сказал я.

- Я знала, что вы вернётесь, - тихо, и как мне показалось, обречённо проговорила она, не шелохнувшись.

Я медленно стал подниматься по лестнице. Она не тронулась с места, когда я остановился напротив неё. От шума крови в ушах я не замечал, что дышу громко и прерывисто. Словно во сне я медленно поднял тяжёлую руку и коснулся её волос.

- Холодно... - тихо произнесла она, и вдруг сделала шаг мне навстречу...

Я в каком-то тумане гладил дымящиеся, чёрные волосы, боясь прижать её к себе, гибкую и пылающую, боясь, что она сейчас сама превратится в дым... Она стояла, опустив голову и не двигаясь, прижав руки к моей груди, словно не решаясь оттолкнуть.

Я обеими руками приподнял ей голову и заглянул в глаза – в них стояла огненная мгла. Её приоткрытые губы слегка шевельнулись, и я, уже окончательно теряя рассудок, успел услышать хрипловатое «зачем?», прежде чем буквально впился в эти влажные, набухшие ягоды.

Губы были неподвижны и даже будто безвольны, и вдруг между ними словно проскочила электрическая искра – она чуть удивлённо вздохнула и...

Я поднял её на руки и понёс в первую попавшуюся комнату, покачиваясь словно пьяный, не от тяжести, а от близости напряжённой зовущей плоти, будто заключающей в себе всю тайну мироздания...

Слабеющими пальцами я расстегнул молнию на её джинсах. Она только закрыла глаза, но губы вздрогнули чуть сильнее, и я едва слышал ещё одно «зачем». На миг мне стало смешно: с таким же успехом мог бы сейчас спросить «зачем» и я – ни одна сила в мире уже не могла бы оторвать нас друг от друга...

5:15. Усталость такая, что кажется нет сил закрыть глаза. Но сон не приходит. Я с усилием поворачиваю голову в её сторону. Она так и лежит с полукрытыми глазами, не дыша, точно без сознания. Я касаюсь пальцами стекающих по подушке волос, она не шевелится. Это не сон, это какое-то наваждение – боже, оказывается до сегодняшней ночи я не знал, что такое настоящая женщина! Меня будто мальчика переполняют то блаженство, то гордость, то страх перед содеянным.

Невероятно, но она действительно оказалась девственницей, и тем не менее я почувствовал в ней то, чего ещё не могла чувствовать она сама. Не может быть в природе мужчины, способного удержать рядом с собой такую женщину, которая ещё не знает, какая великая, страшная сила дремлет, таится за такой ангельски непорочной внешностью. Чтобы подчинить, привязать её к себе необходимо быть гением в сексе и в умении оградить её от неизбежных притязаний обезумевших самцов...

Она наконец открывает глаза, но мысли в них не больше, чем в кошачьих. В них чистое счастье. Однако меня это пугает словно там горит самая лютая ненависть. Нельзя приручить к себе такую женщину, нельзя даже обольщать себя этой надеждой...

- Роберт, - чуть слышно произносит она. – Роберт, что это было? – Она медленно качает головой и снова закрывает глаза. – Роберт, любимый, мне теперь никто на свете не будет нужен, кроме тебя. Я знаю это, я знала это всегда...

Я трезвею всё больше и больше. Это ведь уже не шутки. Это не просто приключение, которое можно прерывать и возобновлять до бесконечности. Я, так же, как и Дэнис, просто не имею права на такую женщину. Тут только я вспоминаю о Дэнисе.

- А как же Дэнис? – как можно мягче спрашиваю я.

- Дэнис? – удивлённо повторяет она, словно впервые слышит это имя. – Дэнис... Он такой хороший, но такой ребёнок. Мне было бы трудно с ним... (Было бы? Почему не «будет»?).

- Почему было бы? У вас же через три недели свадьба?

Она вскочила на колени, точно я хлестнул её кнутом.

- О какой свадьбе ты говоришь, Роберт?! Ведь я люблю тебя!!! – Задохнувшись, она схватила меня за плечи. – Роберт, Роберт, милый! Ты ведь шутишь? Какая свадьба?! Ведь я останусь с тобой, правда? Я люблю тебя, я без тебя уже не смогу! Пожалуйста, Роберт, ну скажи, что ты пошутил!

От этого исступлённого взрыва, от искр в её головокружительно бездонных глазах, от чёрного дыма разлетающихся по плечам и груди волос, мысли в моей голове словно куда-то поплыли... Я потряс головой. Нет! Нельзя! Это сейчас она вообразила, будто любит, а через пару лет я буду сторогим козлом! А через десять? Ведь я чуть ли не вдвое старше её.

В её глазах светилась тревога.

- Роберт, давай я позвоню Дэнису и скажу ему всё. Я объясню, что не смогу быть его женой, потому что люблю тебя!

(А вот это тем более ни к чему! Заодно потерять ещё и друга!)

Я прокашлялся. Смотреть в её горячие глаза не было сил.

- Послушай, Анет... Может, лучше оставить пока всё, как и было?.. Ты выйдешь замуж за Дэниса... Он – отличный парень, уверяю тебя...

Она резко отстранилась. На мгновение её глаза стали ярче солнца. Я невольно сжался, ожидая невысказанного взрыва.

Но ничего не произошло. Она молча встала, взяла одежду, и, не опустив головы, вышла из комнаты. Воистину королевские манеры!

И вдруг... Всё качнулось перед глазами, и в голове грозно прозвучал безжалостный голос: «Конус Эй-Эль. Порог 80. Свёртывание. 9:20».

От потрясения я мгновенно проснулся. Опять! Не может быть! Ведь только что на этом месте лежала самая невероятная девушка в мире! Я дотронулся до смятой простыни и отдернул руку. Простыня была ещё тёплой!

... Я вышел на балкон с трясущимися коленями. Крис и Жильбер уже сидели за столом. Они смотрели на меня, и я не смог скрыть замешательства. Пробормотав что-то, я сел у журнального столика и машинально взял в руки газету.

- Какой отличный ветер сегодня, - глядя в сторону моря, сказал Жильбер. – Ишь, какие барашки гоняет! Давайте после завтрака прокатимся на яхте – в такую погоду это ни с чем не сравнимое удовольствие.

Я радостно поднял голову. Проветриться мне явно не помешает. Газета выпала, я нагнулся за ней, и тут мне в глаза бросился некрупный заголовок: «Самоубийство Дэниса МакМэрфи».

Не веря своим глазам, я перечитал заметку раз пять: «...молодой, перспективный сотрудник фирмы «Дельта»... не вынес неверности любимой

девушки... отличался экстравагантностью и впечатлительностью... в посмертной записке просьба никого не винить... никого не винить! НИКОГО НЕ ВИНИТЬ!!!

Я поднял голову. Крис и Жильбер так же молча смотрели на меня. Я встал и, не найдя слов, бросил газету и выбежал с балкона.

Вечером Крис убедил меня, что на похороны в моём состоянии ехать не стоит и заставил выпить две таблетки дримеола.

... - «Конус 8. Серия Эй-Эм.» – проплыли в сознании отчётливые слова.

Я встал поздно, а если точнее, то в 10:48 утра. Сон освежил мозг и тело, но на душе было скверно. Я вышел в столовую. Там сидел один Крис. Джерри наливал ему кофе. Крис серьёзно посмотрел на меня.

- Ты плохо выглядишь, Роберт. Прогулка на яхте будет для тебя как нельзя более кстати.

- Да, - безучастно отозвался я, садясь за стол.

Крис дотронулся до моей руки. – Ты переживаешь так, будто в этом есть твоя вина. Но что ты мог сделать? В каждом человеке заложено его будущее, и изменить ничего нельзя. Выпей кофе и немного коньяка – тебе станет лучше.

Кофе и на самом деле оказал на меня волшебное действие. Мне внезапно стало легко, точно после отпущения грехов. Действительно, при чём тут я?! Ведь на самом деле, я даже не был знаком с его невестой! Всё! К чёрту!

Крис со странной улыбкой наблюдал за мной.

- Легче? – спросил он. – Джерри уже готовит яхту. Вам придётся прокатиться вдвоём. Жильберу что-то нездоровится – мне надо побыть с ним.

Ветер был покрепче вчерашнего. Море у причала пенилось и зловеще шипело. Я с опаской ступил на раскачивающуюся палубу белой яхты.

- Нас не унесёт, Джерри? – крикнул я негру, возившемуся с канатами.

- Что вы, господин Роберт! – на его воронёной физиономии вспыхнула белая полоска зубов. – Я с парусами управляюсь с детства. Погодка как раз то, что надо! К тому же тут есть мотор.

Я успокоено кивнул. Джерри был мне очень симпатичен безупречной аккуратностью и исполнительностью – если он сказал, значит всё действительно надёжно.

Яхта легла на правый бок и рывком устремилась в открытое море. Мне показалось, что мы взлетели – так приподнялся, напрягшись, весь её корпус. Да, Жильбер был прав! Такого захватывающего дух ощущения я в жизни ещё не испытывал. Мы неслись навстречу вздымающимся волнам, то взлетая над ними, то падая в кипящие провалы. Скорость казалась невероятной для судёнышка с одной мачтой. Джерри уверенно стоял у штурвала, его спокойствие передавалось и мне.

На солнце накатывалась чёрная туча, и мы, словно замороженные, летели к золотому излому низкой кромки облаков.

Внезапно стало совсем темно. Солнце исчезло так неожиданно, словно его выключили. Шквальный ветер накренил яхту, и мне показалось, будто что-то затрещало. Волны были уже совсем нешуточными – судно прыгало между ними без прежней ловкости, словно едва уворачиваясь. Я заметил, что Джерри уже не так спокоен; его руки судорожно сжимали штурвал.

- Возвращаемся, сэр! – крикнул он мне, и в этот момент яхта дрогнула от страшного удара, и мачта, обрывая снасти, рухнула набок. Она повисла, свесившись за борт, и кораблик завертело на месте, лихорадочно подбрасывая то нос, то корму.

Я не успел даже испугаться, как Джерри был уже на палубе с топором в руках. Через несколько секунд мачта исчезла в ревущих волнах, а он, отбросив топор, карабкался назад, цепляясь за оборванные верёвки. Яхта выровнялась – теперь её просто швыряло как щепку из стороны в сторону.

Я втащил Джерри в каюту. Он улыбался, но губы у него дрожали. Почему-то лишь теперь мне стало страшно. Прежде я полагал, что море может так бесноваться только в фильмах про пиратов. Впрочем, ни моря, ни неба сейчас попросту не было – была лишь одна взбесившаяся, злобная стихия.

- Ничего, сэр, - улыбнулся Джерри, ощупывая колени. – Я сейчас запущу мотор.

Но мотор так и не завёлся – в бензин налилось изрядное количество воды.

... Казалось, что давно уже наступила ночь, хотя я точно знал, что было только 6 часов вечера. Буря и не думала утихать, и нас всё несло и несло неизвестно куда. Джерри пытался сориентироваться по компасу, но яхту вертело так, что стрелка компаса металась из стороны в сторону как ненормальная.

К полуночи ветер стал ослабевать, однако разгулявшиеся волны раскачивали яхту, не давая прилечь. Под утро мы наконец смогли уснуть...

Когда я открыл глаза, небо было столь голубым, а море таким спокойным, что вчерашний кошмар показался чьей-то неуместной шуткой. И только обломок мачты, да обрывки снастей напоминали о вчерашнем урагане.

Джерри уже стоял у плиты. – Кофе, сэр? – улыбнулся он мне, и я, с удовольствием потянувшись, рассмеялся.

- Чёрт возьми, куда же нас занесло? – оглядел я ровный как края блюда горизонт.

- Не думаю, чтобы очень далеко, сэр, - ответил он, подавая кофе. – По моему, нас просто крутило на месте.

И тем не менее, мы были совершенно беспомощны – даже грести не было возможности. Оставалось лишь ждать помощи.

Джерри соорудил подобие флага бедствия, подняв его на каких-то обломках, и принялся готовить завтрак. Мы оба были зверски голодны.

- Не переруби ты вчера снасти, мы были бы уже на дне, - жуя, вспоминал я наше приключение. – Яхта уже была готова кувыркнуться вслед за мачтой.

- Ерунда, сэр, - скромно отозвался он. - Я просто перестраховался.

Я вспомнил, как он карабкался по палубе с побелевшими пальцами и с сомнением покачал головой.

- А как у нас с продуктами?! – вдруг пришла мне в голову пугающая мысль.

- Всё нормально, сэр. Господин Жильбер на всякий случай всегда держит на яхте недельный запас продуктов на двоих. Вот и пригодилось, - с виноватой улыбкой добавил он. – Но надеюсь, неделю нам ждать не придётся – нас наверняка уже ищут.

- А что с водой?

Он указал на бочонок, на котором я восседал: – Тут 50 литров. В холодильнике ещё полно сока и пива.

- Отлично, - удовлетворённо заключил я, но вдруг осёкся. Бочонок подо мной показался подозрительно неустойчивым. Я вскочил и пнул его ногой. Он, кувыркаясь, отлетел в сторону...

- Ничего не понимаю, сэр... - растерянно выдавил наконец Джерри.

Мы посчитали запасы питья на борту. Десять баночек с соком и полдюжины пива, не считая мизерного количества пресной воды. Мне показалось, что этого вполне достаточно на несколько дней, но...

К вечеру запасы уменьшились до шести банок сока и четырёх пива, а пить по-прежнему хотелось просто нестерпимо. Никогда не подозревал, что мне необходимо столько жидкости. Солнце, будто отыгрываясь за вчерашнее, шпарило как в тропиках. Мы пробовали купаться, но жажда от этого становилась ещё сильнее.

... Ночью я не выдержал, и мы выпили ещё по банке сока, чтобы наконец уснуть. Утром я произвёл несложный расчёт. Чтобы продержаться ещё пару дней, мы могли выпивать по банке не чаще, чем каждые 12 часов.

Весь день мы с надеждой оглядывали горизонт, но вокруг не было видно даже чаек. После еды жажда стала совсем невыносимой. Я уже не мог думать ни о чём кроме воды. Раньше мне даже в голову не приходило, как быстро человек может терять силы без жидкости. К вечеру мы двигались будто варёные.

Ночью я выпил лишнюю банку сока. Утром Джерри сделал вид, будто ничего не заметил, но меня это ещё больше взбесило. Этот негритос посмел не принять это как должное, а, видите-ли, вежливо не заметил! Он что, серьёзно считает нас равными?! Да и вообще, какого чёрта я должен болтаться среди океана из-за его самонадеянности и неумелости? Куда делась вода из бочонка? Не припрятал ли он её, дожидаясь, пока я совсем ослабну?

Весь день я срывал на нём своё раздражение. Когда он, открывая мне банку, расплескал несколько капель пива, я ударил его по руке, и банка покатила по палубе.

- Жри свою порцию, скотина! – прорычал я, указывая на растекающуюся лужицу.

К вечеру у нас осталось две банки сока.

... Я никак не мог уснуть. Страшно хотелось пить. Крохотные баночки смутно поблёскивали на столе в лунном свете – в них была жизнь... Я уже начал забываться, как вдруг мне показалось, что Джерри встал. Я в страхе подскочил – он собирается выпить сок! Мой сок!

Но Джерри лежал неподвижно, и было не понять, спит он или нет. Я тихонько протянул руку к банкам. Джерри не шелохнулся. Меня вдруг охватило бешенство. Какого дьявола эти ниггеры вообще должны пить?!

Я встал. От слабости меня шатало. Я хорошо помнил, что позавчера, когда я обыскивал шкаф, в нижнем ящике лежал пистолет. Тогда ещё я из любопытства заглянул в обойму – она была полна...

Я тихонько приблизился к шкафу и потянул ящик. Он громко заскрипел. Джерри лежал без движения. Я взял пистолет. Этих двух банок нам всё равно не хватит даже до вечера, а я смог бы продержаться на них ещё сутки... Целые сутки...

Я включил свет. Джерри смотрел на меня в изумлении. Я хотел что-то сказать, но никакие слова на ум не приходили. Я просто нажал на спуск. Раз, другой, третий...

«Порог 50. Свёртывание. 10:40» - вырвал меня из этого кошмара знакомый голос. Я проснулся в холодном поту. Было 10:40. Пить совсем не хотелось.

Я вышел в столовую. Там сидел один Крис.

- А где... Джерри? – растерянно спросил я.

Крис удивлённо поднял брови: - Джерри? Они с Жильбером с утра ушли на яхте. Я уже начинаю волноваться. Там разыгрался настоящий шторм.

Я подошёл к окну. За ним было темно. Волны с рёвом бились о причал, фонтаны пены долетали почти до дома...

До вечера мы не проронили ни слова. К восьми часам шторм начал стихать, и волны прибили к берегу яхту со сломанной мачтой. В ней был один Жильбер. Бледный и взволнованный он рассказал, что когда Джерри бросился с топором к рухнувшей мачте, его утащило волной за борт.

...Шатаюсь, я еле добрёл до спальни. Я уже ни о чём не думал, мне хотелось лишь одного – забыться...

... «Модель Кей-Джи. Конус 9»... Туман рассеялся. Я сидел за карточным столом. Вокруг столпились мужчины во фраках, женщины в шикарных вечерних туалетах. Стояла напряжённая тишина.

- Смелее, барон! – подбодрил меня кто-то сзади.

Ничего не понимая, я обвёл взглядом толпу. На всех лицах застыло вождеденное нетерпение. Я взглянул на партнёров. Один из них был мне незнаком, вторым оказался Жильбер.

Память ринулась в обратном направлении. Так! Мы сели играть на пари после шумного спора во время попойки... Да-да, по 10 пиастров за вист! Чёрт меня дёрнул играть пьяным! Я незаметно скосил глаза на расчерченный мелом столик – у меня было 640 в горЕ. Это же больше 200 тысяч!

- Ну, барон, - поторопил меня партнёр справа.

Я взглянул на карты. Рискнуть можно.

- Восемьдесят, козырь пики, - объявил я.

Мне перевернули прикуп. Хуже быть не может... В горе стало 720.

По толпе пробежал возбуждённый шёпот. От злости я объявил ещё одну игру, обречённую заранее. 820...

Когда сумма проигрыша перевалила за триста тысяч, меня прошиб холодный пот. Невезение было просто фатальным. Карта будто дразнила меня. Раздача за раздачей валила одна шваль, а стоило прийти «лому», я рисковал, в надежде на удачный расклад, а он всякий раз оказывался словно в бредовом сне...

Оживление зрителей росло. Слыша, как сзади заключаются какие-то новые пари, я стиснул зубы.

Карты раздавал Жильбер. Пальцы у него слегка вздрагивали, и когда он бросал на стол прикуп, я каким-то невероятным образом заметил там короля червей. По всем законам джентльменства, я обязан был потребовать пересдачи, но это чёртово невезение... Я открыл свои карты. Три короля!

- Сто пятьдесят, - осторожно объявил я.

- Двести, - тут же отозвался Жильбер.
- Я – пас, - удивлённо объявил партнёр справа и бросил карты.
- Триста! – решительно заявил я. Какого дьявола он лезет?! Он ведь ничего не знает!
- Пятьсот, - после короткого колебания произнёс Жильбер.
- Шестьсот! – почти в ярости бросил я. Я почти не рисковал, но зачем упорствует он?! Толпа притихла.
- Семьсот, - как бы в раздумье заметил Жильбер.
Мне стало как-то не по себе. Он сам себя загнал. Что-ж, видит бог, я этого не хотел!
- Ва-банк, - коротко объявил я.
- Принимаю, - так же коротко ответил Жильбер.
Наступила мёртвая тишина. Кто-то робко кашлянул.
- Господа! – вставая, провозгласил партнёр справа, - Считаю своим долгом напомнить, что на кону сейчас 860 тысяч фунтов, не считая взаимных вистов. По правилам игры, вы ещё можете оба пропасовать, и тогда сумма сократится вдвое, а мы продолжим нашу игру. В противном случае, игра заканчивается, и проигравший, согласно условиям, расплачивается на месте. Итак?...

Я медленно положил карты. – Я играю.
- Я вистую, - отозвался Жильбер.
Партнёр медленно перевернул прикуп и посмотрел на мои карты.
- Господа! – вставая объявил он. – Королевское каре с джокером!
Кто-то сзади сдавленно вскрикнул, и зал взорвался удивлённым и восхищённым гулом. Кто-то схватил меня за руку.
- Поздравляю, барон! Это было грандиозно!
Кто-то совал мне бокал с шампанским: - Барон! Барон! Вы стали вдвое богаче!

Меня уже тянули к столику, но я не мог оторвать глаз от лица Жильбера. Он сидел совершенно бледный, но в глазах его светилась какая-то мрачная решимость. Перед ним на зелёном сукне лежали три туза.
Я виновато протянул руку Жильберу. Он встал и крепко пожал её.
- Благодарю тебя, Роберт. Это было грандиозно. Прошу меня извинить, господа, но для расчёта вам придётся немного подождать – данной суммы у меня нет...

Кругом слышались разочарованные, возмущённые возгласы: - Как же так?! ...Но ведь по условиям...
Жильбер поднял руку.
- Вы неверно поняли меня, господа. Этой суммы у меня нет при себе. Мне необходимо просто спуститься за ней в каюту.
Успокоенные все принялись с шумом рассаживаться за столы, а я, не отрываясь, смотрел в дверь, в которую с поднятой головой вышел Жильбер.
Меня усадили за стол. Казалось, все были опьянены моим выигрышем, и шампанское уже ни к чему. Со всех сторон на меня давил пьяный гвалт, нелепые тосты, лицемерные поздравления...

Внезапно всё стихло. В дверях стоял взволнованный виконт де Руа.
- Господа! – он сделал шаг вперёд. – Господа! Мсье Жильбер только что застрелился в своей каюте! Вот его письмо.

Виконта обступила толпа. Один я продолжал неподвижно сидеть за столом. Через головы до меня доносилось:

-...Не располагая данной суммой в полном объёме, я сделал единственное, что представлялось возможным для дворянина, за что приношу самые искренние извинения. Из своего состояния в размере 750 тысяч все барону Лаунтону в счёт уплаты карточного долга. Барону Лаунтону я завещаю также всё своё движимое и недвижимое имущество, включая имущество моей супруги и детей.... Конус. Свёртывание. 10:20, - закончил виконт де Руа.

Я равнодушно закрыл глаза. Сон... Опять сон. А я уж было действительно вообразил себя бароном.

В столовой никого не было. Я налил себе водки, и тут вошёл Крис. Такого выражения лица я у него не видел никогда. Я выронил рюмку.

- Жильбер умер, - медленно и отдельно произнёс он. Острый сердечный приступ. Завтракай без меня.

Весь день я бродил по опустевшему дому, не решаясь подойти к двери комнаты Жильбера. В этот день я уже начал кое-что понимать... За распахнутыми настежь окнами было темно, слышались завывания ветра и зловещий рокот моря. Было неуютно и жутко, но уйти из этого дома я уже не мог.

Ложась в постель, я обречённо дождался голоса, объявившего об очередном конусе, и с облегчением растворился в небытии.

...Нас оставалось семеро, когда мы по одному вышли к деревне из джунглей. Бедняга Том пару часов назад напоролся на мину. Мы шли долго и от усталости стали терять осторожность, как вдруг впереди что-то глухо хлопнуло, и шедший первым Том боком повалился в кусты.

Спасти его было уже невозможно, хотя он ещё оставался жив. Эти чёртовы мины тем и противны, что напрочь разворачивают живот, оставляя башку совершенно целой.

Том стонал, стиснув зубы и вцепившись руками в свои окровавленные толстые кишки, на которые тут же насело до хрена всяких тропических насекомых. Лицо его было совсем серым.

Капрал и Мак осторожно обследовали тропинку, но больше ничего не было – по крайней мере ближайшие метров двести.

Капрал вернулся и встал перед Томом. – Надо же! – сокрушённо сплюнул он. – Одна-единственная на всей тропинке. Бедолага Том! Эк тебя покарябало...

Том от боли понемногу начинал приходить в себя – введённого ему наркотика хватило ненадолго. Он стонал всё громче и громче. Я вынул ещё один шприц-тюбик.

- Брось, - взял меня за руку капрал. – Ему уже ни к чему. Оставь для себя.

Я повиновался. Тащить его всё равно было некуда. Том открыл глаза, к нему понемногу стало возвращаться сознание. С его губ вперемежку со стонами стали срываться бессвязные ругательства.

- Чёрт, - пробормотал капрал, – Надо скорее идти, а то ещё, глядишь, сбегутся черномазые.

Он надел автомат и рюкзак. - Вперёд, ребята! Чует моя жопа – они где-то рядом!

Первым по тропинке пошёл теперь Мак. Капрал остался со мной.

- Давай, - коротко приказал он, доставая сигареты.

Я вынул «Вольт» и оттянул затвор. Глаза Тома от мучений уже начали вылезать из орбит. Я в последний раз посмотрел в такие знакомые, голубые глаза, в которых сейчас не было ничего кроме бессмысленной боли, и приставил дуло к его виску.

Выстрел прозвучал почти не слышно – как будто под ногой хрустнула сломавшаяся ветка. Том дёрнулся и расслабленно затих, словно боль наконец отпустила его. Да, собственно, так оно и было.

Вдвоём мы оттащили его в заросли. Закапывать не было времени, да и нужды тоже – за сутки насекомые оставят от него лишь гладенькие косточки.

Капрал протянул мне пачку. Терпеть не могу курить на ходу, но в последние два дня только так и получалось.

- Хороший был парень, - шагая сзади, промышчал он. - Жаль.

Этот хороший парень вот уже почти два года был моим другом. С того самого дня, когда он бросил шмотки на соседнюю койку и буркнул: - Том. Как тут у вас дела, парень?

Оказалось, что мы с ним не только из одного города, но и даже учились в одной школе, правда, он был на год старше. Я так и не смог его вспомнить. Да, впрочем, нас сейчас и мама родная бы не узнала – до того мы стали страшны...

- Бедняга Том, - в который раз вздохнул сзади капрал. – Надо же – перед самой смертью остаться без яиц! Видал, куда их зашвырнуло?

Я видал. Вернее, я видел лишь то, что их у него действительно не осталось. Зашвырнуло, наверно, и в самом деле очень далеко.

Я остановился.

- Вот что, Брэд, - глухо сказал я не оборачиваясь. – Кончай об этом, не то я без мины оборву тебе яйца. И так тошно!

Он положил руку мне на плечо: - Ну-ну, Боб, не нервничай. Понимаю тебя – сам таким был. Потерпи, найдём черномазых – ха-арошие поминки устроим по Тому!

Я сжал рукоять автомата и двинулся дальше. Всё! Нечего вспоминать, и некого! Нет Тома! Нет... Но всякий раз, когда я представлял, что моего друга сейчас жрут какие-то неодушевлённые твари, зубы до боли стискивались сами собой.

Через полтора часа мы вышли к деревне. Мак подал условный сигнал заранее, и рассыпавшись по чаще, мы по-одному ползком выбрались на опушку.

Деревня выглядела как деревня, но в ней могли оказаться партизаны. Битый час я пролежал в колючей траве, пожираемый мошками, наблюдая, как над убогими домишками курится дымок, а по тихим улицам шныряют стайки ребятишек, да изредка неспешно проходят женщины. Кроме проковылявшего дряхлого старика с палкой ни одного мужчины я не увидел. Да и нечего им было делать здесь быть в такое время.

Наконец я услышал сигнал сбора. Значит, ребята успели проверить все подступы – часовых не было.

Уже не таясь, мы вышли из джунглей. Моё лицо и запястья горели от укусов мерзких тварей, да ещё разболелась старая рана от неподвижного

лежания на земле. Деревня тут же словно вымерла. Ни ребятишек, ни звука, даже дымки вроде как застыли.

- Сейчас как полоснут из пулемёта! – пробормотал кто-то сквозь зубы.

- Не скули! – оборвал капрал. – Мак ползал туда – никого там нет.

Мы подошли к первой хижине.

- Зайдём в гости? – кивнул капрал и пинком распахнул дверь. – Все кто есть – наружу, строиться!

Не думаю, чтобы его поняли дословно, но общий смысл они явно уловили. Через минуту, щурясь от солнца, у изгороди топтались две безобразные старухи, молодая женщина и куча разнокалиберных ребятишек.

- Муж где? Мужчина? – гаркнул капрал на местном варварском наречии. Женщина забормотала что-то, горестно складывая руки на груди.

- Помер, говорит, собака, - сплюнул капрал. – Хорошо бы, если так, сучий партизан!

Ребята уже шарили в доме. Там послышался грохот. Из окон полетела какая-то утварь. Старухи запричитали.

- Молчать, ведьмы! – рявкнул капрал. – И до вас дойдёт дело.

Один из ребят с торжествующим видом выволок из дома драные мужские штаны.

- Ага! – обрадовался капрал. – Мужик куай-куай, говоришь! А это чьё? – он ткнул штанами в лицо женщины. Та отшатнулась и что-то испуганно заговорила, указывая руками на ребятишек.

Капрал приложил штаны к самому взрослому из детей. Он был дюйма на два меньше длины штанов.

- Не дорастёт он до этих брюк, - зловеще процедил капрал и зашвырнул их на соломенную крышу. – Поджигай! – коротко распорядился он.

Женщины, словно не понимая, тупо смотрели, как мы разворачиваем огнёмёт. И только когда струя огня точно змея с шипением бросилась на крышу, они разом заголосили и ринулись было к дому. Я выстрелил вверх, и они отпрянули. Ребятишки кинулись врассыпную. В соседних домах тоже поднялась паника – там заметались тёмные фигуры. Мы неспешно направились туда, но в этот момент раздался возглас Мака: - Смотрите!

Все резко обернулись. Через поле к лесу стремительно бежала девушка. Она словно летела – до того легко и грациозно двигались её длинные, смуглые ноги. За спиной волнами развевались чёрные кудри.

- Красиво бежит! – восхищённо промолвил кто-то. Мак поднял автомат.

- Не надо! – остановил его капрал и сунул свой автомат мне в руки. – Я хоть и не так красиво, но эту газель догоню!

Мы наблюдали, как расстояние между ними медленно сокращалось. Капрал нёсся как хищный зверь – мягкими, мощными прыжками. Он настиг её почти у самой опушки, и прыгнув ей на спину, подмял под себя.

- Поймал волк козочку! – хохотнул кто-то, и мы с Маком направились в сторону опушки. Остальные занялись соседними хижинами.

Не представляю, какой живучестью надо обладать, чтобы вырываться из лап капрала. На моих глазах он скручивал дюжих мужиков так, что им никуда больше не хотелось. Эта же девчонка выламывалась даже после того, как он несколько раз ей врезал. Она дёргалась уже в безнадёжном положении, с

выкрученными назад руками. Капрал волок её с торжествующим видом, невзирая на царапины и след укуса на кривой физиономии.

- Я же говорил, что у меня чутьё на красивых баб! – ещё издали крикнул он нам. – Смотрите, какую красотку я подцепил! – он приподнял её за плечи и гордо потряс. «Красотка» в ответ попыталась лягнуть его в пах, за что удостоилась ещё одной сокрушительной оплеухи.

Когда он наконец, тряхнув, поставил её перед нами, меня словно пронзила красота её юного, одухотворённого лица. Ей было лет 14-15, она только-только сформировалась и выглядела свежей, словно побег молодого растения. Огромные чёрные с поволокой глаза на смуглом лице и удивительно тонкие для здешних мест черты. Кого-то она мне мучительно напоминала, но я никак не мог вспомнить кого...

- Эй, кошечка, что-то у тебя морда для здешних очень необычная, - оценивающе сказал капрал, приподняв её детский подбородок. – Видать, кто-то из наших тебя делал. К вам в деревню Ален Делон случаем не заезжал?

В ответ она плюнула ему в лицо. Он захохотал и треснул её ребром ладони по шее. Она упала, как сломанное деревце.

- Терпеть не могу бить женщин, – пожаловался капрал, вытирая лицо. – Места не найдёшь, куда врезать – всюду сиськи, письки...

Я взглянул на девушку – она пыталась подняться. Мак ударил её ногой.

- Перестань! – крикнул я.

Мак недоумённо уставился на меня.

- А ведь Боб прав! – воскликнул капрал. – Чем тебе эта девочка хуже шлюхи из борделя? Я пока с ней боролся, чуть не кончил!

Он схватил её и поставил на ноги. В огромных, детских глазах застыл ужас.

- Ишь какая цыпа! – нежно погладил её капрал и резко разорвал на ней платье. Девушка рванулась, но он снова выкрутил ей руку. – О-о! Да ты сегодня без лифчика! – свободной рукой он пощупал её маленькие, упругие груди. Она дёрнулась, словно ужаленная, и коротко вскрикнула.

- Ну-ну, - успокаивающе погладил её капрал. – А теперь заглянем, какие у тебя трусики! – он разорвал платье до конца. – Ха! Да у тебя классное бельишко – такое тонкое, что его и не видать!

Она закричала. В этом крике был настоящий животный страх – так кричит раненая дикая коза, когда видит в упор направленный для добивания ствол.

Мне стало не по себе, но я никак не мог оторвать взгляда от огромных, искажённых предчувствием смерти глаз на девичьем лице. В них носились огненные сполохи – деревня уже пылала вовсю. Чёрный дым медленно растекался по всему небу.

Я даже не заметил, что сделал Мак, но после его резкого движения она вдруг обмякла и послушно повисла в руках капрала. Тот по-хозяйски встряхнул её и довольно осклабился: - Ну вот и уговорили! Давай-ка, Боб, сделай девочке приятно – тебе сегодня нужно развеяться. А мы подержим эту злючку. – Он задрал повыше остатки её платья, а Мак деловито взял её с другой стороны за руку и за ногу. Её черноволосая кудрявая голова запрокинулась за спину, на смуглом животе и бёдрах плясали отблески пожара.

Я потряс головой, пытаюсь отогнать это видение, но вдруг ощутил непреодолимую, звериную страсть впиться зубами в это юное тело, растерзать, испоганить, растоптать только начавшую распускаться хрупкую красоту.

Я сделал шаг вперёд, расстёгивая штаны...

...Она кричала, извиваясь, вырываясь из рук капрала и Мака, а потом из моих рук, но её движения становились всё замедленнее, а голос всё глуше, пока наконец не превратился в хриплый, неровный стон, и было уже непонятно, чего в нём больше – боли или блаженства.

А я неотрывно смотрел в её остановившиеся безумные глаза, мучительно пытаюсь вспомнить, где я видел это необыкновенное лицо...

Когда мы опустили её на траву, она ещё продолжала двигаться, словно пытаюсь избавиться от нестерпимо-сладостной боли. Её глаза были широко раскрыты.

- Тащится, сучка! – осклабился Мак и пнул её ногой.

- Сволочь! – заорал я, хватая автомат и направив его на Мака, но внезапно ткнул ствол в её лицо и выпустил очередь прямо в упор, чтобы никто и никогда уже не смог увидеть этих счастливых в своём страдании и оттого безобразных в их дикой прелести глаз...

...Я стрелял и стрелял, во все стороны летели красные и белые брызги, но её выкатившиеся глаза, не мигая, с бессмысленной укоризной продолжали смотреть на меня...

... Пошатываясь, я побрёл к полыхающей деревне, сжимая горячий автомат. Там в дыму и пламени метались тёмные тени... «Конус... Свёртывание...» – бесстрастно произнёс ненавистный голос. Я застонал и открыл глаза.

Знакомая комната, стены, потолок... Но я уже знал, что это всё – иллюзорная поверхность, что мне надо поскорее вернуться в свою реальную, истинную жизнь, а для этого – заснуть. Я протянул руку к оставшимся таблеткам дримеола...

«Финальный конус Ди-Си», - услышал я, проваливаясь в сладковатый дым.

...Предрассветный туман был тяжёл и вязок. Дышалось трудно, и сердце учащённо билось. А может оно просто чувствовало неотвратимое приближение развязки.

Наш взвод шагал по бетонной дорожке вдоль унылой тюремной стены. Мы знали, куда и зачем нас ведут – всё это давно стало привычным, но отчего-то я волновался всё сильнее и сильнее.

За поворотом показалась знакомая площадка со столбами. Семь фигур стояло у столбов, семь тёмных фигур... Мой был средним – я неизменно стоял в самой середине.

Взвод неспешно вытянулся в одну шеренгу. Ребята зевали и поёживались – и кто это придумал, что смертную казнь нужно производить непременно на рассвете?

Мы вставили обоймы, и без команды замерли в положении «смирно». Как-то неудобно, если приговорённые увидят перед собой в свою последнюю минуту переминающихся с ноги на ногу солдатиков. Мы должны явиться перед ними олицетворением той несокрушимой, справедливой Силы, которая одна имеет право ставить людей по ту или эту сторону черты.

Тюремщики принялись стаскивать мешки с осуждённых. Мой завозился дольше других. Я мельком оглядел остальных – однообразные серые лица, застывшие в гримасе отчаянья, одинаково побелевшие губы, шепчущие не то

молитву, не то проклятья. Я перевёл взгляд на средний столб – и окаменел... Передо мной стоял Крис!

Он стоял раскованно и свободно, точно не под дулами винтовок, а в окружении друзей. Казалось, что это он будет сейчас вершить суд над собравшимися. Но его глаза безотрывно смотрели на одного меня – спокойно, с чуть насмешливой улыбкой, даже как-то сочувственно, словно не он, а я был привязан сейчас к неотёсанному столбу.

Я закрыл глаза, но это не спасало меня от его взгляда. Я чувствовал его всей кожей, всей своей душой!

Мои губы непроизвольно задвигались в такт с заунывным пением священника, но я не мог произнести ни слова молитвы – это была лишь попытка унять нервную дрожь. Крис слегка усмехнулся, и всё поплыло перед моими глазами. Я впился пальцами в винтовку, будто ища в ней опору. «Бежать! Бежать отсюда!» – зазвенела в мозгу пронзительная мысль. Но ноги приросли к холодному бетону, и я лишь покачнулся, поймав недоумённые взгляды ребят.

- Взво-од! ...товсь! – словно из потустороннего мира донёсся до меня рёв капитана. Крис глядел мне в глаза, и я не мог шевельнуть пальцем. Кто-то толкнул меня локтем: - Боб! Ты что?!

Я, спохватившись, механически передёрнул затвор. Глаза Криса потемнели, в них появилось что-то страшное, но только не страх. Я тупо смотрел на него, в голове уже не было никаких мыслей...

- Рядовой Лаунтон!!! – услышал я разъярённый рык.

Я съёжился от ужаса. «Что это со мной?! Боже!... Что я делаю?!... Надо... Я обязан... Я не могу!... Крис! Крис!!!» – мелькали в сознании бессвязные осколки, а руки медленно поднимали винтовку...

Всё исчезло. В беззвучном тумане мы остались вдвоём. Я целился ему в сердце...

Я так и не понял, откуда блеснула молния – то ли из моей винтовки, то ли из его глаз, только оглушительный гром расколол мир на мельчайшие брызги и медленно затих вдали.

- Свёртывание! Свёртывание. Свёртывание... – гулко разнёсся нечеловеческий голос, и я опять увидел перед собой знакомые стены и потолок.

- Крис! Крис!! - орал я, летя по пустому коридору. Было темно. Дом весь дрожал, по комнатам с воем гулял ветер, хлопали двери, где-то послышался звон разбитого стекла. Я не знал, что я должен ему сказать, но мне сейчас было жизненно необходимо увидеть его.

- Крис!!! – задыхаясь, я добежал до его комнаты и, распахнув дверь, ворвался внутрь.

- Крис... - прохрипел я и в ужасе застыл.

Посреди комнаты стояла кровавая лужа. По стенам тянулись извилистые трещины, из них по каплям сочилась кровь. С заплесневелого зелёного потолка свисали лохмотья паутины. Вокруг валялись куски мебели, осколки каких-то гигантских сосудов из мутно-жёлтого стекла, которые ещё дымились. Воздух в комнате был насыщен странным синеватым свечением.

Но не эта жуткая, зловещая картина заставила меня оледенеть. Все реквизиты фантастической декорации пронеслись перед моими глазами, оставив лишь мимолётное ощущение беспорядка. Мой взгляд был прикован к страшному

предмету, лежащему на полке покривившегося секретера под осыпавшимся зеркалом. На полке лежало... смятое лицо Криса!...

Оцепенев от ужаса, я смотрел на непостижимый предмет и чувствовал, что сейчас окончательно сойду с ума. Не думая уже ни о чём, я сделал шаг вперёд, наступив в кровавую лужу, и взял его в руки. Это была искусно сделанная маска. Её поверхность совершенно натурально воспроизводила кожный рисунок, и всё-таки это была маска. Пустые глазницы смотрели осуждающе и сурово, бескровные губы растянулись в издевательской усмешке...

Я закричал, захохотал, завопил что-то несуразное и бросился к окну с выломанными рамами.

Последнее, что я увидел сквозь клубящиеся вокруг дома клочья тумана, был знакомый высокий силуэт, величественно стоявший у кромки прибора и медленно превращающийся в зеленоватый дым...

* * *

- Господин Роберт! Господин Роберт! – проникал в моё сознание чей-то настойчивый, взволнованный голос. Я с усилием открыл глаза. Прямо надо мной склонилось чьё-то чёрное лицо. От ужаса я отпрянул, не сразу узнав в нём Жозефину.

- Что с вами, господин Роберт? – озабоченно бормотала она. – Вы так стонали и метались, что я в коридоре услышала.

Я бессмысленно переводил взгляд с одной вещи на другую. Это моя комната, тут нет никакого сомнения, но как я здесь очутился? И когда? Внезапно меня пронзила безумная догадка; я непроизвольно схватил Жозефину за руку:

- Какое сегодня число, Жозефина?

Она покачала головой и улыбнулась:

- Ай-ай, господин Роберт! Ведь сегодня – день вашего рождения! Поздравляю вас, господин Роберт! Дай вам Бог здоровья!

- Я не верю в Бога, - машинально ответил я, не успев до конца осмыслить её слова, как вдруг до меня дошло: ведь сегодня тот самый день, с которого всё и началось! Я вскочил. В окно било яркое солнце. Я распахнул окно в сад, и свежий воздух ворвался в комнату. Да, всё было именно так, как в то казавшееся таким безоблачным утро...

- Господин Роберт, звонила ваша мать. Она собирается приехать сегодня вечером...

Я чуть не выпал из окна. Едва добравшись до кровати, я сел и обхватил голову руками.

- Вам нездоровится, господин Роберт? – доносился до меня из какой-то мглы голос Жозефины. – Вам надо бы ещё поспать – вчера ведь вернулись так поздно, да как будто сильно под хмельком, - смущённо говорила она, - Всё рассказывали про какой-то сад, да про какого-то Криса...

Я широко открыл глаза. Неужели и это?!... Да. На столике среди разбросанных газет, слабо мерцал голубоватый шарик... 8:15... Нет, уже 8:16. И секунды – одна, вторая, третья...

- Ступай, Жозефина, - глухо перебил я разговорившуюся служанку. – Ступай, мне надо побыть одному...

С того дня мне уже никогда больше не снились сны, и я не слышал никаких голосов. Но всё в жизни пошло, словно по давно знакомому сценарию. Я равнодушно воспринял и назначение меня начальником отдела вместо усопшего старика Тибо, и смерть матери, и самоубийство Дэниса.

Но на этом всё не закончилось. Вместе с чувством временем я стал ощущать и своё будущее, вернее, все его возможные варианты, выбор которых, кстати сказать, был удручающе скуден. Жизнь превратилась в бездарно поставленную, скучную комедию, а я был одним из её нелепых персонажей, наперёд знающий свои и чужие роли.

Наступили дни глубочайшей депрессии и равнодушия. Случай, казалось бы, наделил меня невероятным преимуществом перед другими – я стал полновластным хозяином своей судьбы и мог управлять ею по своему усмотрению, заранее обходя все ловушки и подводные камни, но я скоро понял, что это – иллюзия. Именно понятность и предсказуемость делала жизнь бессмысленной и пустой, точно шарик от пинг-понга.

Первое время я по инерции ещё пытался чего-то добиться, каким-то образом самовыразиться – мне не составило труда разделаться с шефом и занять его кресло, войти в руководство фирмы, а вскоре и в политическую когорту страны, не прилагая к этому почти никаких усилий. Но вот что оказалось действительно сложным – это почувствовать хотя бы мимолётную радость от этих достижений или от доступности всех тех благ, о которых я прежде мог лишь робко мечтать.

Я пытался всячески изощряться. Однако любые, самые сумасбродные и авантюрные траектории, которые я закручивал, тут же становились до отвращения примитивными и незамысловатыми, словно давно знакомое русло затхлого ручейка.

В обществе я приобрёл было скандальную славу графа Калиостро, а может быть и Гришки Распутина – не знаю, к этому времени мне стало всё окончательно ненавистно. Вернее, не было даже ненависти – было лишь одно ленивое, равнодушное ощущение безысходности. Мне хотелось найти дверь из этого насквозь порочного мира, уйти, перестать быть собой.

Я не раз пытался отыскать «Гефсиманский Сад», но его словно никогда и не существовало в запущенном, мрачном парке. Я исколесил все окрестности на своём новом «Фератти», однако он как будто провалился сквозь землю – ни одна живая душа даже не слышала о его существовании.

«Глобус» Криса я давно уже зашвырнул в водопад, но это ничего не изменило. Внутри меня продолжали тикать безжалостные часы, а я всё так же мог безошибочно предвидеть все варианты своего будущего.

Прекрасно зная, что выйдет из моей попытки прыгнуть в тот же самый водопад, я всё-таки прыгнул... и, зацепившись невесть каким образом полой плаща за острый камень, провисел над пропастью полтора часа, со скукой разглядывая мечущиеся в полусотне метров подо мной пенные буруны, и дожидаясь пока ко мне подберутся двое дюжих ребят в униформе спасателей.

Через несколько дней я принял на ночь цианистый калий, но он подействовал на меня чуть сильнее дримеола – я просто оказался отброшенным

к исходной точке и заново пережил до мельчайших деталей знакомый кошмар, начиная со дня первого посещения «Гефсиманского Сада».

Больше подобных попыток я уже не предпринимал, вспомнив слова бородатого бармена: «батарейка – на 39 лет».

Для полной ясности не хватало лишь одного... Однако судьбой было предусмотрено и это.

Наступило Рождество. Раньше он был моим единственным любимым праздником. Оживлённая суeta на улицах и в магазинах, запах ёлок и мандаринов, эта радостная атмосфера ожидания чего-то нового, сказочного... Увы, теперь для меня всё это оказалось утраченным навсегда. Хотелось лишь подальше спрятаться от раздражающей людской толкотни.

И вдруг, проснувшись фиолетовым декабрьским утром, я почувствовал, что сегодня увижу Криса! Ощущение было настолько сильным, что я знал наверняка, что так оно и случится, и тем не менее волновался всё сильнее. В первый раз за долгое время я чего-то ждал; в первый раз я не мог даже предположить, чем закончится эта встреча. Но я чувствовал, что она наконец-то объяснит всё.

Ровно в 7 вечера я сел в «Фератти» и направился к знакомому парку. Свернув в мрачную аллею, я с внезапным трепетом подумал: а не окажется ли... Но в этот миг в темноте засветились зеленоватые буквы: «Гефсиманский Сад».

Когда я спустился в бар по изогнутой лестнице, там наступила полная тишина. В маленьком зале горел яркий свет, за столами молча сидели какие-то люди. Я увидел Криса и нетвёрдой походкой направился к его столику. Он спокойно, но строго смотрел на меня. Я облизал пересохшие губы, не зная, с чего начать, но он жестом пригласил меня сесть.

- Ты понимаешь, зачем я позвал тебя сегодня, - медленно заговорил он. - Это наша последняя встреча и, признаться, я не жалею об этом. - Он встал, непроизвольно поднялся и я, но он жестом усадил меня обратно на стул.

- Я решил, что с нашей стороны было бы не совсем порядочно оставить тебя в неведении относительно произошедшего, хотя о многом ты уже должен был догадаться и сам. По крайней мере, ты теперь понял, что собой представляешь, - ровно продолжал он, - и не будешь обманывать по крайней мере самого себя.

Он помолчал, потом заговорил снова.

- Что же касается нас, то нет смысла объяснять кто мы – вам всё равно этого сейчас ещё не понять, а мы постараемся не допустить этого вообще.

Почему мы здесь? Говоря откровенно, мы ожидали встретить близких по духу братьев, а увидели... - Он тяжело вздохнул. - Вас нельзя назвать ни дикарями, ни животными. В этом случае, всё могло быть ещё поправимо, но такими вы являлись тысячи лет назад.

С тех пор вам было дано много шансов стать лучше. Однако навязанные со стороны нравственные понятия не сделали вас совершеннее – вы извратили их, оставив одни названия. Интеллект тоже не пошёл вам впрок – самым изощрённым образом вы приспособили его для маскировки и оправдания своих самых низменных инстинктов.

Ваши предки в шкурах были ничтожны, но они были куда лучше вас! Они не лгали сами себе: они любили просто и открыто, и ненавидели так же; они убивали друг друга, но не так подло и утончённо, как вы.

Видимо, вы были обречены с самого начала – вы родились людьми, и останетесь ими пока не изживёте самих себя – изолгавшуюся, вырождающуюся породу. Как может здравомыслящее существо объяснить и оправдать наличие такой нелепости и уродств, как войны, тюрьмы, терроризм?! Но и это не самое страшное.

Когда мы оказались среди вас, то едва не обманулись: все так приветливы и улыбочивы, все рассуждают о добре и любви, все дорожат друзьями и близкими. И никто не желает другим зла! Но мы не могли понять, откуда же оно берётся на Земле, да ещё в таких невероятных размерах?!

Оно просто внутри вас! И вы всеми силами закрываете на это свои глаза. Для этого нам и пришлось прибегнуть к этому «бесчеловечному» эксперименту – заглянуть в ваше истинное «я».

Ты удивлён, что для этого избрали именно тебя? Не обольщайся: мы выбирали самых средних особей по всем основным параметрам – интеллекту, положению в обществе, устремлениям, потенциалу. Без нас, скорее всего, ты и остался бы таким же посредственным, серым обывателем, в лучшем случае способным время от времени чувствовать лёгкие покалывания совести от своих мелких повседневных подлостей, и при этом продолжал бы считать себя «порядочным человеком».

- Моя «игрушка», – в его руке засветился голубоватый шарик, – помогла тебе раскрепостить собственное подсознание, извлечь из его сокровенных тайников истинные желания и помыслы. В своих снах ты вёл себя так естественно, как и должен был вести на самом деле, не скованный страхом перед хитросплетением нерешительности и самообмана, которое вы называете «совестью». Не скрою, мы с интересом наблюдали твои сны. Но совершенно неожиданно ты повёл себя совсем не так, как мы предполагали.

Тебе оказалось не по силам хотя бы честно признаться себе в столь очевидных вещах и устыдиться. Нет! Ты умудрился напротив убедить себя в некоем «предзнаменовании» и найти в этом оправдание своей гнусности. Было жутко наблюдать, как с каждым разом мучительных колебаний становится всё меньше. Но что-то ещё продолжало мешать тебе!

Тогда мы стали помещать тебя в нереальные ситуации, вырванные из твоего привычного образа жизни. Эффект получился поразительным! Сомнения и раздумья исчезли вовсе! До этого тебя будто сдерживал барьер нравственных предрассудков и условностей, воздвигнутый общественным мнением, привычными представлениями о себе, страхом осуждения, понятиями «морали», «чести» и прочими лживыми химерами.

Зато теперь ты повёл себя как самый настоящий, хороший зверь, лишённый даже зачатков цивилизованности. Сколь грандиозной оказалась разница между добродушной, розовой физиономией «порядочного», ничем не выдающегося клерка, любящего порассуждать на темы нравственности, и твоим истинным лицом!

Нам пришлось осознать, что чем лучше человек кажется на первый взгляд, тем попросту больше дистанция от его настоящего «я». В основе всё равно лежит первородное зло, непреодолимые, отвратительные инстинкты. Человек может

делать вид, что не знает об этом; отказываться этому верить и понимать, но ваша природа в любой момент может проявить себя в своей естественной, злобной мощи – необходима лишь достаточно критическая ситуация или просто сильное искушение.

Эти критические пороги у каждого свои, но они есть у всех. За всю историю человечества не было совершено ни одного героического или даже благородного поступка, в основе которого не лежал бы глубочайший, пусть даже и до неузнаваемости преломлённый эгоизм. Это неизлечимо!

Крис помолчал, потом вздохнул: - Что же, уходя мы заплатим тебе за пережитые тобой потрясения. Ты сможешь быть счастливым до конца своей жизни. Ты будешь видеть, что ожидает тебя в ближайшем будущем и, сообразуясь с этим, выбирать свои поступки. А какие именно – пусть тебе подскажет... – он горько усмехнулся, подбирая слово, – твоя «человеческая совесть».

Я сидел совершенно раздавленный. Если до этого у меня ещё теплилась какая-то надежда, то теперь я понял, что это – всё, это – конец...

Крис сурово смотрел на меня, но в его взгляде чувствовалась глубокая жалость и сострадание, и от этого было ещё невыносимее.

- Мне всё же почему-то жаль тебя и всех вас, - снова заговорил он. – Несмотря ни на что, в вас есть много привлекательного и трогательного. Однако сделать я всё равно ничего не могу. Нам предстоит так и не встретившись, расстаться...

- Но, Крис! – с отчаяньем прошептал я. – Ведь вы неизмеримо сильнее, умнее, лучше нас! Неужели нельзя хотя бы попробовать исправить нас, помочь, научить?..

Его лицо внезапно потемнело, зелёные глаза стали тверды, и я вдруг с благоговейным ужасом понял, на кого он так похож!

- Две тысячи лет назад мой отец уже попытался сделать это, - глухо произнёс он. – И за это вы распяли его на кресте...

* * *

С тех пор прошло несколько лет. Я равнодушно дожидаясь своего столь ещё отдалённого конца, словно завершения унылого, не сулящего никаких радостей путешествия. Я ничего не хочу и ни о чем не сожалею, но всё же иногда начинаю думать, что произошла ужасная ошибка, что окажись на моём месте какой-нибудь другой человек, всё могло быть совсем иначе...

И тогда я вновь и вновь опускаюсь на колени и иступлённо, с горячей надеждой молюсь: чтобы когда-нибудь в один из дней где-то на Земле среди людей снова появился Крис. ■

КОНЕЦЪ (ВСЕМУ)